

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ПЯТЬ ЖИЗНЕЙ
ЧИТЕРА

Annotation

Ты здесь никто, ноль, пустое место, у тебя нет ничего, даже воспоминания отобраны непостижимой Системой. Чтобы вернуть хотя бы часть из них, придется немало поработать, и работа эта будет непростой. А еще тебе придется много умирать, потому что ты слишком слаб и у тебя нет самого главного — информации, без которой выживание в этом крайне неприятном месте невозможно. Ее нельзя получить у безликих цифр, нужны тебе подобные, но только опытные, много чего повидавшие. Вот только они не очень-то торопятся делиться знаниями, к тому же для некоторых из них прихлопнуть такого, как ты, — чуть ли не святое дело. Так что умирай снова и снова, отматывая счетчик жизней. Даже основатели не знают, что произойдет, когда он обнулится, но многие уверены — это последняя смерть, больше воскрешений не будет. Ты не первый на этом пути и вряд ли последний. И еще. Много звезд должно сойтись на небе, чтобы удача улыбнулась на старте или хотя бы поблизости от него.

Некоторым она улыбается во все тридцать два зуба — тем, кому повезет найти уязвимость в Системе. Таких называют читерами.

В книге использованы элементы мироустройства вселенной S-T-I-K-S.

Артем Каменистый

Пять жизней читера

© Артем Каменистый, 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Глава 1

Жизнь первая. Короткая

Новичок, вас приветствует новый мир. Он красив и сулит вам множество незабываемых моментов, не всегда позитивных. В связи с этим помните, что количество ваших возрождений ограничено, а заработать новые непросто.

Вы вот-вот станете частью Континента. Вы возрождены на кластере 145-33-29. Регион — Западное Побережье. Текущее количество возрождений — 99 жизней (стартовое). Текущие задания: выжить, искать, узнать тайное, помочь, задать правильный вопрос. Текущий статус — старт первой попытки. До перезагрузки кластера осталось 100 секунд. Подсказка: вызов полноформатного контекстного меню — команда «Меню»; вызов всех или отдельных шкал на активный экран — команда «Показатели» с добавкой «Все» или названиями требуемых шкал. Показатели вызываются аналогично. Все элементы меню масштабируемы, можно изменять их цвета, степень прозрачности, внешний вид и расположение.

Удачной игры.

Сны, как правило, небогаты на логику, вот и этот не стал исключением. Широкая каменная лестница, он куда-то по ней поднимается, потом несколько шагов по плитам из того же камня, впереди раздвигаются двери лифта, а следом все окутывает угольно-черный мрак, в котором ярко горит бессмысленная надпись в несколько строк.

Непонятно, что за лестница, что за темнота такая непроглядная и откуда в ней такая надпись, которая не освещает ничего, кроме себя?

И самое главное — кто он такой?!

Вопрос вопросов, потому что не имеет понятия, как на него ответить. Прекрасно понимает, что у человека должно быть имя, но свое почему-то не знает.

И где он вообще? Вот здесь с ответом попроще — чтобы поискать его, достаточно открыть глаза.

Открыл, но понять, где очутился, не смог. Нет, вообще-то многое стало понятно, но не то, что напрягало больше всего. Он лежит на узкой койке, которая приткнулась к дальней от окна стене небольшой комнаты. Скромные размеры помещения не стали помехой к размещению трех одинаковых по степени неудобства лежанок, пары столов и такого же количества убогих шкафчиков. Оставшееся место отдано на разграбление бардаку — куда ни глянь, обязательно уткнешься во что-то валяющееся, в том числе и в откровенный мусор. Отслаивающиеся пошлые обои, треснувший плафон унылого светильника, пыльные стекла, на которых какая-то малограмотная личность пальцем вывела четыре слова, причем два из них крайне неприличные, а третье с ошибкой.

В общем, местечко на пять звезд не тянет, и он его видит впервые в жизни.

Или забыл, столь же основательно, как и свое имя.

Амнезия уже начала напрягать, но в этом имелся и светлый момент — он не чувствует себя ни больным, ни ущербным и почти уверен, что надо лишь слегка напрячь голову — и все мгновенно вспомнится.

Однако, как ни пытается напрячь, не вспоминалось. Непонятно, почему так? Что-то в этом неправильное, но что?..

Вообще ничего не вспоминается, только лестница, каменные плиты и еще... Нет, ничего, вообще ничего, лишь неуловимый намек на тень воспоминания, но за тень не ухватишься.

Сел, свесил ноги, обнаружив тапки чуть в стороне. Изрядно поношенные, не первой чистоты, и не помнится, чтобы их туда ставил. По идее ноги без помощи головы должны такие вещи знать, обуваться вслепую, но почему-то не знают.

Или тапки кто-то переставил, или произошло что-то другое, или это не его койка, или мысли потекли в неправильном направлении.

Или ноги отказываются обзаводиться собственной памятью.

Это как он дошел до такой жизни, чтобы забыть абсолютно все?! Интересно, хотя бы говорить умеет?

Проверил простейшим способом — набрал в грудь воздуха и, решившись, произнес:

— Привет.

Куча шерстяных одеял на дальней койке зашевелилась, из-под них высунулась голова, украшенная безумной всклокоченной прической, и хриплым голосом ответила:

— И тебе привет.

Увидев, что в комнате кто-то есть, не удержался от удивленного вопроса:

— Ты кто?!

— Да ты что, совсем уже? Меня не узнаешь? Я же Серый.

— А я кто? — уточнил уже вдумчиво, весьма заинтересованный в ответе.

Серый высунулся чуть больше и уставился странно. Брюнет лет двадцати с небольшим, на лице заметны красноречивые следы вчерашней невоздержанности, да и характерный душок в комнате намекает на то, что кто-то из присутствующих накануне употреблял не одну лишь ключевую воду.

— Рок, ты под чем? — спросил наконец, хоть как-то обозначив личность.

Вряд ли это имя, но за неимением альтернативы — сойдет.

— А под чем я должен быть?

— Да откуда мне знать? Ты вроде вообще дурью не увлекался никогда, спортсмен и все такое. Хотя... я же тебя сто лет уже не видел. Как сам-то? Дела идут?

— Дела у прокурора, а у меня все плохо.

— Что так?

— Не помню я ничего. Даже как звать, не помню.

— Рок, да ты ведь реально под чем-то. Глаза нормальные, а сам какой-то вообще не такой. Может, тебе таблетку дать?

— Травануть захотел? Что за таблетка?

— Да тут хрен поймешь, чем закидываться надо, первый раз вижу, чтобы человека так накрыло. Ты это... ты не придуриваешься?

— Дураком меня назвать хочешь?

— Да нет, просто никогда не видел, чтобы людей так...

— Тогда поаккуратнее с выражениями, — перебил Рок Серого. — Давно, говоришь, меня не видел? Когда это было в последний раз?

— Да тут разве вспомнишь. Вроде у манежа перекинулись парой слов недельку назад, ты тогда нормально выглядел, хромал куда-то, на ногу опять жаловался. Но это не базар был, несерьезно.

— А сейчас я как выгляжу? За нормального сойду?

— Да ты вообще не похож на нормального, выглядишь так, будто тебя пыльным мешком пришибли. Как вообще здесь очутился?

— Не понял?

— Вообще-то до аспирантской общаги отсюда две остановки.

— Аспирантской?

— Ну да, ты же у нас почти без пяти минут кандидат наук, большой человек стал, все в шоке.

— Почему?

— Что — почему?

— Почему все в шоке?

— Рок, без обид, но на кандидата наук ты никак не тянешь. Не твое это.

— И что со мной не так?

— Да все пучком, просто доцентом быть — реально не твое. Как сам-то? Решил по старой памяти в родном углу нарисоваться?

— Слышь... ты... чертей по углам рисуй, давай уже в темпе начинай следить за языком, а то я раздражительным становлюсь. С нервами что-то не то.

— Да ты не просто нервный, ты нереально накрытый. Это ведь комната твоя старая, не помнишь разве? Вот эти койки чуть ли не всех первокурсниц перевидали, а уж сколько кубов спирта через вашу с Семой берлогу прошло, мама моя родная! — Серый сокрушенно покачал головой, показывая, что алкоголя было немало. — Забыл, что ли? Как такое вообще забыть можно. А как от ментов в окно отсюда сигал, тоже забыл? Ты ведь из-за того случая ногу до конца доломал, две операции потом делали, а может, и больше. Футболом не убил в ноль, так тут разнес. Что, вообще не помнишь?

— Сколько раз тебе еще нужно повторить, чтобы дошло?

— Рок, да не заводись, ты же человек, а не мопед китайский. Я же и сам не все помню, вчера вообще никакущий вернулся. Ты даже не представляешь, я Дубине зачет сдал с первого раза, вот прикинь, какая пруха пошла. После чего мы с Максом и Чайкой завалились для начала к Балде, а ты Балду знаешь, у него всегда что-то есть, он, вообще, в доску свой. Убей не помню, что потом делал, как добирался, походу, на бровях доползал. И тебя я здесь вроде бы вчера не видел. А Макс где?

— Не знаю. Я вообще ничего не знаю. Давай ты как-нибудь попроще будешь говорить, у меня уже винегрет в голове из общаг, Максов и Чаек.

— Да уж, ты реально плывешь. А ведь непохоже, что накатывал. Приторчал? На чем сидишь?

— Глаза разуй, я на койке сижу.

— Да я не о том. Ну, в том смысле — принимал что-нибудь? Как называлось, у кого брал?

— А ты что, из Госнарконтроля, чтобы такие вопросы задавать?

— Да ну, Рок, я ведь просто разобраться хочу. Вот ты часто видел, чтобы человек все забывал?

— Я и тебя-то впервые вижу, или это до сих пор не дошло?

— Рок, как-то ненормально вообще. Говоришь вроде по делу, голимую пургу не несешь, но сам ничего не помнишь. Интересно получается, не знаю, под чем ты, но это точно что-то тяжелое. А ну-ка, сейчас гляну, может, в сети что-то нарою. Слышал, что колеса недавно такие появились, от них реально память отшибает, скорее всего, ты ими и закинул. Совсем

ничего не помнишь?

— Лестницу помню.

— А еще?

— Плиты каменные, еще лифт там был, по-деловому выглядел: двери четкие, внутри полный фарш, все блестит, ни разу не ободранный. И еще костюм на мне был. Серый. А где мое барахло? Только не надо втирать, что я в трусах и майке сюда заявился.

— Ищи, должны быть. Вон, на стуле, не твое?

Говоря это, Серый не выбирался из-под одеяла и суетливо водил пальцем по экрану здорового планшета. Лицо его чуть нахмурилось, он недовольно произнес:

— Че за фигня, вай-фай отвалился. Рок, будь другом, жамкни роутер.

— Тебя мама не учила по-человечески разговаривать?

— Так нормально же все, роутер, говорю, перезагрузи, Интернета нет. Ну, в смысле шнур выдерни, потом вставь, бывают у него заскоки. Да вон же он, слева. Забыл, что ли? Сам же его подогнал, мы еще пакет к нему вместе оформляли.

Упорное непонимание ситуации со стороны собеседника начало Рока напрягать, о чем он и сообщил:

— А может, тебе в голову разок оформить?

— Ты че?!

— Сколько тебе, непонятливому, можно повторять, что с памятью у меня не все в порядке? Какой, в задницу, роутер с пакетами, если я даже имя свое вспомнить не могу?!

— А, ну да, извини, никак не могу вкурить, каково это — не помнить ни фига. Просто выдерни шнур, потом назад вставь.

— Вот так и надо было говорить... пакет мы с ним вместе оформляли... ну да...

Выполнив просьбу Серого, Рок с сомнением спросил:

— А это нормально, что фигня не светится?

— Ты о чем?

— Да роутер твой. Ни одного огонька на нем не наблюдаю.

— Не, это вообще ненормально. А ну-ка. — Серый протянул руку, клацнул выключателем, недовольно заявил: — Света нет. Может, у всех выбило, сходи в коридор, разведай.

— Я тебе что, мальчик, по коридорам разведывать?

— Да я не в напряг, тебе к двери два шага сделать, глянь одним глазом.

— И на что мне там смотреть?

— Есть там свет или нет.

Электричество Рока сейчас интересовало меньше всего, но почему бы не посмотреть, ведь до двери и правда рукой подать. Она оказалась незапертой. Чуть потянув створку на себя, он обнаружил за ней сумрачный коридор, с другой стороны которого выглядывал зеркально похожий на Серого парень — как внешностью, так и возрастом один в один.

Уставившись на Рока, тот спросил:

— У вас что, тоже света нет?

— А разве похоже, что есть?

— Да тут, походу, ни у кого света нету. А телефон работает?

Отвернувшись, Рок спросил у продолжавшего терзать планшет Серого:

— Тут население интересуется насчет телефона. Пашет?

— У меня в планшете своя симка стоит, но ни хрена не показывает. И смарт сеть не

ловит. Спроси там, вода хоть есть или мы в каменный век попали?

Выглянув в коридор, Рок доложил:

— Можешь свой телефон выбросить, поговорить не получится. А как обстановка с водой? Имеется в кране?

— А я откуда знаю? Только глаза продрал, у бати день рождения, поздравить хотел, а хрен дозвонишься. У него все строго, если не позвоню вовремя, придется до конца семестра жить на стипендию.

Прикрыв дверь, Рок заявил:

— С водой вопрос неясный.

— Я слышал.

— Вот думаю... Может, мне к врачу сходить?

— На кой?

— А к кому еще идти, если память отшибло? К пожарным, что ли?

— Так ты реально не придуриваешься?

— Я тебя реально по черепу сейчас ударю.

— Рок, да просто в такое не верится, да и на тебя не похоже вообще. И мрачный ты какой-то.

— А ты бы не был мрачным на моем месте?

— Ну да, реально мрачно, когда ничего не помнишь. Барыг этих тоже не помнишь? Ну, в смысле тех, кто подогнали эти колеса.

— Очень хотелось бы вспомнить. А ты не в курсе, у кого такие достают?

— Я не в теме, но можно с народом пообщаться. Только зачем они тебе нужны?

— Головы хочу кое-кому проломить. Товар не понравился.

— На таких темах серьезные ребята сидят.

— Такие серьезные, что у них даже голов нет?

— Не, ну головы, конечно, должны быть, как без них.

— Значит, есть что проламывать. Ты поспрашивай.

— Это дело небыстрое, — предупредил Серый.

— Схожу к врачу, а ты пока узнай, кто это, где их искать, чем дышат. Ну ты меня понял.

— Если тебя после колес так накрыло, нельзя врачам показываться. Они же с ходу тему веществ просекут и кровь на анализ возьмут, химия долго в ней держится. Хотя тебя вряд ли выпрут даже за такие дела, ведь Паровоз к тебе неровно дышит, а он без пяти минут ректор, с такой мохнатой лапой главное — не ширяться в паховую вену на парадном входе, все остальное сойдет.

— Так что мне тогда делать, если не к доктору идти? Серый, я себя реально овощем ощущаю, в голове космос.

— В смысле — вакуум? У меня бывало, но на память жалоб не было. Я тебе точно скажу, что перед врачами светиться не надо, а то мало ли, Паровоз может и выводы сделать... нехорошие. Да ты полежи, расслабься чуток, до вечера эта гадость сама должна рассосаться, башка опять варить начнет. И больше этим не закидывайся, тебя торкает ненормально, загнешься, как Пашка в прошлом году. Чего тебя вообще на это дело потянуло, ты же спортсмен и все такое? Из-за того, что со Светкой разбежались?

— Кто такая Светка?

— Реально забыл?! Ну тебе точно повалиться надо.

— Да не могу я лежать, места себе не нахожу, ты даже не представляешь, каково это —

имя свое не помнить. Кто я вообще? Рок — это ни хрена не имя.

— Да-а, небось ты двойной дозой закинулся. — Серый покачал головой, а затем лицо его озарилось. — Слушай, а давай ты поспишь?

— Ты издеваешься? В голову выпрашиваешь?

— Да я реально дельное советую, здоровый сон всем помогает. Ну что ты как неродной, я ведь помочь хочу.

— Серый, спать мне совсем неохота, да и как уснуть при таких делах. Что ты вообще несешь?!

— Не грузись, сейчас все будет. — Вытащив из-под кровати картонную коробку, Серый, покопавшись в шуршащем и позвякивающем содержимом, протянул начатую упаковку таблеток. — Закинься парой, проспишь до самого вечера, тебя из пушки не разбудят.

— Тоже гадость какая-то?

— Да не, просто снотворное. Нормальное, крутое, его только по рецепту достать можно. Мишку из меда помнишь? Ну, это тот, который губной помадой себя изрисовал, а потом голый носился по коридору и орал, что он индеец. Не помнишь? Блин, да ты реально поплыл, как такой цирк вообще можно забыть? Вот Мишка и подогнал. Давай-давай, вон водички возьми, запьешь и через пять минут храпеть начнешь. Тебе это реально нужно.

Уверенности в том, что ему нужно именно это, у Рока не было. Но сидеть здесь не пойми с кем и до вечера ждать, когда в голове проявится хоть что-то...

Нет, на мозговую пытку он не согласен.

Серый ошибался, продержался Рок больше пяти минут. Но никакой выгоды от затянувшегося бодрствования не получил, потому как за это время не узнал о себе ничего, что стоило узнавать. Аспирант двадцати четырех или около того лет от роду, известная в городе личность — незаурядная звезда местного футбола, покинувшая спорт надолго или навсегда из-за травмы колена и пытающаяся найти себя на научном поприще. Благо в последнем вопросе многие охотно пошли навстречу, ценя былые заслуги. В этой комнате он жил во времена затянувшегося студенчества, его здесь знают как облупленного, считают своим в доску парнем, может заходить в любое время дня и ночи.

Что за науку Рок изучал — разузнать не успел.

Как не узнал и свое имя. Серый всеми правдами и неправдами избегал его называть, будто опасался, что, услышав его, а не вспомнив самостоятельно, Рок окончательно закроет себе дорогу к возвращению памяти.

Мутный он какой-то.

Пробуждение было кошмарным — на него навалилось что-то тяжелое и живое, от повышенного веса заметно прогнулась койка, между шеей и плечом уткнулось непонятно-мокрое, омерзительное, причмокивающее, и Рок тут же вскрикнул от острой боли.

Да его же кусают!

Нет, не кусают! Его, твою мать, грызут! Грызут жадно и кроваво!

Положение было неудобным, да и застигнут врасплох, спящим, ничего не соображающим, одуревшим от немалой дозы убойного снотворного. Но противник не сумел реализовать преимущество внезапного нападения, Рок ухитрился извернуться, с криком выдирая свое мясо и кожу из злобных челюстей, выгибая руку, упираясь локтем в нападающего, отстраняя его.

А тот противно урчал, резво пытаясь подтянуть себя назад, чтобы еще раз пустить в ход

зубы. Дудки, Рок, сумев правильно выгнуться, пустил в дело вторую руку, сжатым кулаком с силой врезав во что-то одновременно жесткое и сочное.

Судя по приятно прозвучавшему треску — попал в те самые зубы, разmozжив при этом губы.

Противника удар ошеломил, он чуть отстранился и перестал проявлять опасную настойчивость в уменьшении дистанции. Рок, развивая успех, крутанулся, уперся плечами и затылком в стену, отпихнул гада ногами с такой силой, что тот не удержался, слетел с койки и шумно завалился на пол, где уже через полторы секунды заработал удар стулом по корпусу.

Рок перед этим от души размахнулся, несчастный предмет мебели при этом разлетелся, хлипковат он для таких делишек. В руках остались две ножки, которыми продолжил дубасить урчащее брыкающееся тело.

— Сука! Сдохни! Сдохни, урод! — орал он, все больше и больше зверея.

Боль в укушенном месте и стекающие из раны горячие струйки крови несколько не способствовали успокоению. Да и псих, едва не вцепившийся зубами в шею, похоже, отоваривался у тех же барыг, которые оставили Рока без памяти. С ним явно что-то не так, после такой обработки он должен в три секунды вырубиться, ну или калачиком скрутиться и жалко поскуливать, а этот, как робот, упорно рвется встать и продолжить.

Ярость добралась до последних остатков разума, Рок не сдержался, с добротного замаха залепил по поднимающейся голове, очертания которой едва угадывались во мраке.

Врезал как следует, даже хруст послышался, причем хрустело не дерево. И пусть после такого, возможно, придется серьезно объясняться с правоохранительными органами, все равно этот звук пролился на сердце успокаивающим бальзамом.

Так тебе и надо, тварь урчащая.

Даже столь убойный аргумент не поставил точку в противостоянии с непонятно кем, но заставил оппонента вести себя куда скромнее. Он уже не пытался подняться, вместо этого шумно заворочался, молотя по полу руками, заурчал противно, с нотками, заставившими волосы на затылке зашевелиться.

Будто в ответ, загудел целый хор похожих звуков. Мгновенно сориентировавшись, что доносятся они из коридора, Рок рванул к двери, нащупал ручку, потянул ее на себя, другой рукой пытаясь отыскать замок, засов, хоть что-нибудь.

В этот миг что-то шумно навалилось с другой стороны и тут же еще раз, с такой дурной силищей, что, несмотря на темноту, стало понятно — с замком или без, но эта преграда и минуты не продержится.

А другого выхода из комнаты, между прочим, нет.

Ухватившись за ручку обеими ладонями и панически озираясь в попытке разглядеть что-нибудь обнадеживающее, Рок едва не заорал — кто-то вцепился ему в ногу, после чего голень вспыхнула огнем. Обдолбавшийся до звериной невменяемости урод даже с проломленной головой не стал предаваться отдыху, вместо этого отпрыск тупого дебила сумел подползти и пустить в ход те зубы, которые ему еще не выбили.

Не выпуская дверь, Рок врезал второй ногой, метя в затылок. Раз, другой, третий и еще. На! Получай! Сдохни уже! Достал! Еще получи! Что?! Твердый череп поддается? Похоже, сильно врезал по зашибленному деревяшкой месту, теперь там уже не точечный пролом, все куда серьезнее.

С натугой отодвинул расслабленное тело — вроде не показалось, и правда утомился? Ну да, отоваривал его на совесть, без оглядки на разборки с полицией, в горячке ничего не

ощущается, но вскоре пятка начнет болеть конкретно, такими делами полагается в крепкой обуви заниматься.

И что теперь? В коридоре, судя по хоровому урчанию, минимум десятка два насквозь одичавших нариков собралось, и все они почему-то мечтают сюда вломиться. Что ты ни делай, непременно вломятся, хлипкая дверь спешно дописывает завещание. Отскочить назад, нашарить ножку от стула и принять бой? Принять, конечно, можно, почему бы и нет, но имеется вероятность, причем значительная, что бой этот окажется последним, а Року такие расклады вообще не нужны.

Плевать, что он себя не помнит, жить-то все равно хочется.

Вот чем надо было вмазаться, чтобы с голыми зубами на честных людей бросаться?! И чем им Рок не понравился? Он пахнет не так или урчать не умеет?

Кстати — реально не умеет. Звук непроизносимый, чем-то похожий на тот, который издают до жути голодные коты, когда им предлагается нечто вкусное.

Вот только коты эти должны быть из тех, которые всему на свете предпочитают сырую человечину, да и весят куда больше.

Уничтожен зараженный. Уровень — 0. Вероятность получения ценных трофеев — 0. Получено 3 очка к прогрессу физической силы. Получена 1 единица гуманности.

Омерзительно-красная надпись, зажегшаяся перед глазами, Рока не поразила и вообще никак не заинтересовала. Сейчас не до изучения галлюцинаций, все внимание сосредоточено на одном — он лихорадочно размышляет, как бы половчее выкрутиться из непростой ситуации.

Да ладно, можно и не очень ловко, надо хоть как-нибудь отсюда свалить.

И побыстрее.

Между тем альтернатива честному бою лишь одна — окно. Если верить Серому, один раз Рок через него уже выходил, и пусть не без потерь, но не убится. Так что путь не самый лучший, зато проверенный. Несмотря на то что день проскочил за время действия снотворного, крошечной тьмы за стеклом не наблюдается, а наблюдается нездорово-красноватый сумрак. Освещение он почти не дает, но хотя бы понятно, в каком направлении следует прорываться.

Где-то не так уж далеко, за дверью, заурчали по-новому, как никто до этого не урчал, заставив душу молнией рвануться в направлении отбитой о проломленный череп пятки.

Человек так точно урчать не сможет, для этого ему придется вырасти до габаритов уссурийского тигра, не говоря уже о тренировке глотки — звук совершенно невообразимый.

Рок понял — если обладатель этой глотки подойдет к двери, случится что-то совсем уж паршивое. И потому отбросил в сторону всякие раздумья, разжал ладони и, прихрамывая из-за ставшего непослушным колена, ринулся к окну, по пути нашаривая еще один стул.

Открывать нет времени — пока нащупает шпингалеты или что там вместо них, у него появятся другие заботы, сталкиваться с которыми не хочется.

Размахнувшись, Рок с ходу врезал стулом. Он оказался столь же хлипким, как и первый, рассыпался, но и стекло постигла та же участь. По-хорошему надо бы тщательно оббить края рамы, утыканные острыми осколками, но времени нет вообще ни на что — за спиной со скрипом и радостным урчанием распахивается дверь.

Игнорируя битое стекло, режущее ступни и ладони, Рок вскочил на подоконник, на кратчайший миг замер и расчетливо сиганул в направлении надежных с виду веток неведомого дерева, росшего под зданием. Красноватый сумрак оказался на удивление проницаемым для глаз, позволил оценить, что до земли лететь этажа четыре и там, похоже, асфальт, так что падать, как зря, бессмысленно, лучше уж тогда дать последний бой, шансы в котором, возможно, повыше будут.

Но все равно низкие, и потому пришлось лететь расчетливо.

Замысел не так уж и плох, вот только ветки подвели. Рок, успев за них ухватиться, с предсмертным ужасом убедился, что они слишком тонкие, нечего даже мечтать о том, что выдержат вес тела. Перебросил с них одну руку, пытаясь вцепиться во что-нибудь понадежнее, но лишь клочок листвы вырвал.

Полетев вниз, потащил за собой удерживаемую одной ладонью ненадежную опору, та на какой-то миг спружинила, замедляя падение, но следом раздался нерадостный треск, и на этом все — больше Рока ничто не задерживало.

Асфальт под ним оказался или что-то другое, он так и не понял. Врезался в сокрушающе-жесткую поверхность плашмя, лицом вниз, с хрустом, с нестерпимой болью, с оглушением и слабостью, охватившей все тело, заставившей престать ощущать руки и ноги. Голова почему-то резко запрокинулась вбок, несмотря на то что перед глазами стояла пелена, не позволяющая ни на чем сфокусироваться, разглядел неподалеку что-то большое и яркое, кольшущееся, даже сумел осознать, что видит здание, охваченное пламенем.

И догадался, что именно по этой причине сумрак за окном казался подсвеченным красным.

Боль, терзавшая лютым зверем, отступила, стало легко и тепло, можно и подумать, поразмышлять.

Но думать не хотелось, хотелось забыться.

Оказывается, потеря памяти — это не так уж и плохо. Иногда о ней мечтаешь.

В следующий миг на Рока что-то навалилось — тяжелое, громко урчащее, с силой вдавливающее в землю, рвущее клыками и когтями сразу в нескольких местах, с треском переламывающее кости. Боль вернулась стократ усиленной, он застонал, задержался, но изломанное тело даже не пошевелилось, все, на что оно сейчас способно, — реагировать на неудержимую силу, его терзающую.

А потом боль исчезла, как исчезли все ощущения. Рок погрузился в крошечный мрак, в котором вновь вспыхнула бьющая по глазам неприятно красная надпись.

Внимание, вы погибли. Потеряно одно очко прогресса физической силы. До возрождения осталось 174 секунды.

Цифры начали меняться — 173, 172, 171...

А Рок смотрел на них и продолжал ничего не понимать.

Кто он? Где он? Что тут за чертовщина творится?

И самый главный вопрос — как отсюда выбраться?..

Глава 2

Жизнь вторая. Еще короче

Новичок, вы вот-вот станете частью Континента. Вы возрождены на кластере 434-09-62. Регион — Западное Побережье. Текущее количество возрождений — 98 жизней (минус 1 от стартового). Текущие задания: выжить, искать, узнать тайное, помочь, задать правильный вопрос. Текущий статус — старт игры. До перезагрузки кластера осталось 99 секунд. Подсказка — вы можете узнать дополнительную информацию о некоторых объектах, посмотрев на них и мысленно пожелав увидеть скрытое (на стадии адаптации, возможно, поможет прищуривание). Внимание! Вы потеряли первую жизнь, не достигнув прогресса ни в одной из основных характеристик. Минимальное количество очков прогресса, требуемых для повышения какой-либо основной характеристики на вашем уровне развития, — 10. Постарайтесь, чтобы подобное не повторилось, не допускайте обнуления количества возрождений. В качестве компенсации и помощи ваша удача получает 10 очков прогресса и становится равной 1. С вашим невезением удача не будет лишней. Удачной игры.

Обои выглядели знакомо: та же расцветка, такой же убогий узор и такие же облезлые. Вся прочая обстановка принципиально от уже увиденной не отличалась, даже количество коек совпадало, лишь их расположение чуть изменилось. Светильник был такими же треснувшим, пол захламленным, а вместо неприличной надписи, выведенной пальцем по стеклу, там же красовалось «от сессии до сессии живут студенты весело».

А вот Року весело не было. Сел, снова не попал ногами в тапки, их вообще не оказалось. При этом куча одеял на койке у окна зашевелилась, из ее недр высунулась светловолосая непричесанная голова с заплывшими глазами. Парень лет двадцати, если не считать явных следов недавних возлияний, ничуть не похож на единственного знакомого, но все же на автоматизме поинтересовался:

— Серый, ты?

— Дрон, ты что, глаза потерял? Это же я, Годя.

— Я не Дрон.

— А кто ты?

— Рок. А Дрон — это от Андрей? Я что, Андрей? — напрягся Рок, ожидая, что догадка подтвердится, что собеседник наконец озвучит настоящее имя.

Увы, тот сказал другое:

— С хрена ли ты Андреем стал? Дрон, чего чудишь? Не проснулся, что ли?

Ответил тупым голосом, погрузившись в себя, пытаюсь даже не то чтобы осознать происходящее, а хотя бы не слететь с катушек:

— Проснулся я. Доброе утро, Годя.

Назовись новый знакомый Серым, Рок бы, возможно, начал биться в припадке от столь ненормально зеркального повторения уже прожитого дня.

— Дрон, с тобой точно все нормально?

— Еще раз Дроном назовешь, я тебя огорчу. Бегом планшет доставай.

— Зачем?

— Затем, что я так сказал. Посмотри, что надо делать, если у тебя потеря памяти и одновременно «день сурка». В смысле почти «день сурка» — что-то слегка меняется, ну а так повторяется один в один.

— Дрон, ты это что, серьезно?

Рок, тяжело вздохнув, поднялся и выразительно хрустнул кулаками. Годя, все осознав и резко вспомнив предшествующие слова, с виду не особо испугался, но благоразумно пошел на попятную:

— Ладно, хочешь быть Роком, будешь Роком, мне-то какая разница.

— Вот и лады. Доставай уже планшет, не тяни резину. Заодно глянь, есть ли вообще связь. И свет. А, нет, забей...

— На что забить?

— Не будет связи, этот хлам опять не горит. Симка в планшет заряжена?

— Ну да.

— Попробуй через нее. И телефон не мешает глянуть.

— А с роутером чего?

— Я так думаю, что он без электричества не работает, — ответил Рок и, вспомнив безумно странную подсказку, уже вторую по счету, не раздумывая над дичью происходящего, прищурился, после чего пожелал увидеть в роутере некие скрытые от несведущего взора тайны.

Удалось разглядеть лишь подсохшую тушку таракана в пластиковой щели, сомнительно, что это можно отнести к даже не самой великой загадке человечества. Рок перевел взгляд на достававшего из-под подушки планшет Годю и повторил то же самое, не ради второй попытки, а просто заиклившись на этом в высшей мере странном действии. Уж очень был озадачен всем происходящим, включая тот же красный текст, который только что читал второй раз в чуть измененном виде.

Отличия настолько же непринципиальные, как и обстановка в этой комнате.

Годя вдруг мигнул, будто он не живой человек, а изображение на мониторе высочайшего разрешения, причем трехмерного, после чего сбоку от его фигуры вспыхнул ядовито-зеленый квадратик, испещренный белым, чуть светящимся текстом, от его уголка к телу парня тянулась изломанная указующая стрелка.

Вот стрелка и все прочее, возникшее вдруг, уже не походило на реальное изображение, это нечто откровенно чуждое, ненормально неестественное, будто из мультфильма сюда попало.

Пожалуй, у Рока проблемы не только с памятью, сухой язык медицины все явления такого рода называет одинаково — галлюцинации.

А галлюцинации — крайне нехороший симптом.

Хреновые дела.

Несмотря на все более и более крепнущую уверенность в том, что справку о психической полноценности получить будет непросто, Рок не стал игнорировать надпись в зеленом квадрате, внимательно изучил ее до последней буквы.

Объект — человек, потенциальный зараженный, ID 197-529-341-832-272, идентифицировал себя как Годя, предположительно безоружен, умения Континента не выявлены.

Стоило перестать прищуриваться, как «мультипликация» покинула комнату, но это Рока ничуть не успокоило. Он был твердо уверен, что, стоит чуть напрячь глаза, и она мгновенно вернется, причем не исключено, что на этот раз ее будут сопровождать зеленые черти.

Может, он и правда принял что-то излишне сильнодействующее и теперь не может выбраться из непрекращающегося кошмара, навеянного убойной химией?

— А связи и правда нет, — озадаченно протянул Годя, не догадываясь, что в свете только что произошедшего Рок и про связь позабыл, и много про чего еще. — Откуда ты знал, что ее не ловит, я же видел: ты проснулся и ничего не делал?

Рок, сам от себя не ожидая, решил поиграть в предсказателя:

— Годя, а давай забьемся, что, если выглянуть в коридор, дверь по другую сторону окажется открытой и оттуда будет тарашиться какой-то тупой чувак, задавая вопросы на тему света и телефона.

— Даже спорить не буду, скажи лучше: откуда это узнал? Я ведь не сплю уже полчаса, лень подниматься было, видел, что ты даже не шевелился.

Проигнорировав вопрос, Рок, терзаемый самыми яркими и одновременно самыми негативными воспоминаниями, с замиранием сердца спросил:

— А у вас тут не бывает, что на спящих какие-то психи наваливаются и грызут заживо, а потом на тебя кто-то тяжелый налетает, в лепешку сдавливает, ломает кости и рвет на куски?

— Рок, ты сейчас под чем? Поделись с другом, не жадничай.

Странно, этот Годя на Серого вообще не похож, а лексикон, интонация, сонно-безразличное выражение лица и тяготение к теме наркотических веществ — все один в один. К тому же смотреть на него неприятно, при всей его внешней безобидности есть что-то необъяснимо пугающее, напоминающее о чем-то крайне нехорошем, но, как ни тужься, вспомнить, в чем тут дело, не получается.

Продолжая игнорировать вопросы, Рок стащил со стула тяжелые джинсы и, начав одеваться, деловито поинтересовался:

— Больница далеко?

— А тебе зачем?

— К врачу надо.

— Не, ну это я понял. Что болит?

— Ничего.

— Зачем тогда идешь?

— Обрезание хочу сделать.

— Да куда уже тебе короче, — ухмыльнулся Годя и серьезным тоном спросил: — Ну а правда, зачем тебе больница?

— Пока у меня ничего не болит, но есть подозрение, что если останусь в этой койке, то болеть начнет вообще все. Сталкивался уже, ну его на хрен.

— Док... то есть Рок, ты меня пугать начинаешь.

— Я тебя спросил насчет больницы. Что, так тяжело ответить? Дурака включил? Может, тебе и правда голову отбить?!

Что-то неприятное, неуловимое, хитро скрытое в собеседнике заводило Рока все больше и больше, вызывая то же агрессивное состояние, при котором он проламывал голову ножкой от стула и доделывал это нехорошее дело голой пяткой.

Годя покачал головой:

— Да не заводись ты так, тебя же хрен поймешь. Если студенческая нужна, так это под

вторым корпусом. В смысле — студенческая больница.

— А где второй корпус?

— Рок, да ты скажи, что с тобой? Давай я тебе таблеток дам? Дать? Они хорошие.

— Снотворное? Миша подогнал?

— Ну да, снотворное. Что за Миша?

— Из медицинского.

— Ну да, из меда, только не Миша, а Ленка. Ну ты ее помнишь, вечно красится под цветную ворону и губы, как две сосиски.

— А голой по коридору она не бегала?

— Я бы посмотрел, она такое запросто может учудить, вообще без тормозов. Да и без мозгов. Дрон, так ты что, реально в больницу?

Не обращая больше на него внимания и даже не реагируя на возврат к «неправильному прозвищу», Рок вышел из комнаты и замер, только сейчас осознав, что именно его напрягало в Годе.

Он чем-то неуловимо напоминал того нарика, который его чуть ли не только что едва не загрыз, набросившись на спящего. Разглядеть агрессора в темноте не получилось, но отдельные штрихи, моторика и что-то неуловимое свидетельствовали об их схожести.

Да и Серый хорошо вписывается — не похож на Годю лицом, но фигура один в один.

Рок еще раз потрогал прокушенное место, убедился, что там не осталось ни малейшего намека на рану. Возникло почти непреодолимое желание вернуться в комнату, подойти к койке Годи, нехорошо улыбнуться, поглядывая сверху вниз, затем разломать об него все стулья, а следом и ножки от них. Со всей дури, одну за другой, в щепки, до кровавых брызг, с непередаваемым удовольствием ощущая, как кости ненавистного черепа вминаются в мозг.

Искушение было почти непреодолимым, но Рок устоял, сделал шаг, другой и, ускоряясь, поспешил прочь. Логика кричала во всю глотку, что, раз в этой комнате все настолько поразительно похоже и события развиваются по близкому сценарию, закончиться они могут аналогично.

То есть полным непониманием происходящего, урчанием, навалившейся живой тяжестью и разрываемым телом — его телом.

Повторения такой «радости» не хотелось, хруст сокрушаемых костей до сих пор в ушах отзывается.

Разумеется, Рок пошел не в ту сторону, быстро уткнулся в тупик, пришлось разворачиваться, искать выход на лестницу, по пути игнорируя однотипно тупые вопросы от юношей и девушек возрастом от семнадцати до двадцати с небольшим. Всех интересовали исключительно три вещи: куда подевался свет, почему отсутствует связь и есть ли в кране вода. Складывалось впечатление, что самостоятельно они не способны выяснить даже последнее.

Правда, в этом Рок от них не отличается, потому как понятия не имеет, где в этом здании можно найти хотя бы один кран. Все двери однотипные, ничего похожего на вход в туалет или душевую по пути не заметил.

Спустившись по лестнице, ухитрился промахнуться мимо первого этажа, попав в мрачно выглядевшее преддверие темного подвала. К счастью, догадался не забираться в его глубины, осознал ошибку, вернулся на лестницу, выход отыскал без труда, устремившись за студентами, вышагивающими в одном направлении.

Улица встретила ударом ярчайшего солнечного света по глазам, на небе не было ни

облачка, солнце стоит чуть ли не идеально над головой, жарит немилосердно, на глазах разгоняя жалкие остатки тумана, который каким-то образом сумел дотянуть до этой явно не утренней поры. А Рок вырядился в зимние джинсы, теплую куртку и шерстяную шапочку, да и остальные одеты ему под стать — погода откровенно аномальная для такого сезона. Вон на деревьях и кустах только-только почки набухают, а вон за деревом светлеет кучка грязного ноздреватого снега. На дворе весна, причем ранняя, при этом небеса откровенно летние, мартом там даже не пахнет.

Не только Рок заметил несообразность, выходявшие из здания студенты останавливались, начинали бурно обсуждать погодный феномен, некоторые с ходу стягивали шапки, расстегивали куртки и пальто.

— Подскажи, где тут второй корпус? — спросил Рок у одного, на вид не самого тупорылого.

Тот, не задумываясь, указал вдоль улицы:

— Прямо иди, первое здание за башней.

— Что за башня?

— Ну башня, ты что, не знаешь?

— Я похож на идиота, которому делать нечего? Знал бы, зачем спрашивал?

— Да ты ее узнаешь, ни с чем не перепутаешь, просто прямо шагай. Видал, какая погода? Лето наступает, ну и дела. А чего это кислым воняет? Чувствуешь?

Не горя желанием общаться на тему погоды с кем бы то ни было, тем более с прыщавым очкариком в замызганных штанах, Рок поспешил в указанном направлении, на ходу пытаясь понять, что вообще происходит и имеет ли смысл обращаться к докторам.

Вся проблема в том, что он не представляет, каким образом с ними общаться, с чего вообще начинать разговор, что можно говорить, а что нежелательно.

Он вообще ничего не понимал. Да твою же мать, даже имя вот уже второй раз осталось тайной, не догадался у Годи выпросить.

Хотя сильно подозревал, что вряд ли сумел бы получить от него ответ, даже применив физическое насилие (на что тот напрашивался).

Размышляя о необъяснимости ситуации, Рок не забывал посматривать по сторонам, иногда прищуриваясь в сторону других пешеходов, почти исключительно симпатичных девушек, и это слегка радовало, ведь благодаря анализу своего поведения удалось выяснить, что наклонности у него нормальные.

Ему настолько мало о себе известно, что даже столь специфически узкую информацию можно считать великим открытием.

Между тем, ничего не зная об этом городе, Рок не мог не отметить, что с ним что-то не ладно. Похоже, «электрический коллапс» охватил обширный район, ни на одном из перекрестков не встретился работающий светофор, местами из-за этого возникли заторы, дважды наблюдал аварии, причем в одном случае водители подрались. Он подоспел к тому моменту, когда их разнимали, а к месту событий торопливыми шагами приближались два полицейских, один из которых что-то говорил по малогабаритной рации.

Судя по всему, связь у него есть, а вот с обычными телефонами, очевидно, всеобщая беда. Куда ни глянь, можно заметить людей, тщетно пытающихся разобраться со своими трубками. У некоторых из жаждавших позвонить или войти в сеть был такой вид, будто наступил конец света и их при этом не взяли в царство небесное.

Ну да, так и есть, с точки зрения рабов сотовых сетей и прочих безнадежно подсевших

на блага цивилизации недоумков неработающий смартфон — это событие такого же масштаба.

Столбы дыма, поднимавшиеся в трех местах, не могли быть вызваны ничем, кроме как пожарами. Возможно, произошли аварии на электрических подстанциях, в таком случае без освещения может остаться весь город, в том числе и больница. Будут ли принимать врачи в таких условиях? Тяжело пострадавших — несомненно, но Рока вряд ли можно к ним отнести.

Голову себе кирпичом проломить, что ли? Или как?

Хотя, по логике, в таких местах должны держать источники аварийного электроснабжения. Вот как иначе будет работать та же аппаратура для реанимации? Получается, нуждающиеся в ней больные должны умирать при любых неполадках, а это вряд ли.

Навстречу вынеслась собака: мелкая, уродливая, неизвестной породы, с волочащимся за ней тонким поводком. Вид у псины был сильно обеспокоенный, она стремглав бросилась через дорогу, едва не угодив под завизжавшие при торможении автомобили.

Рок успел навестись на нее взглядом и получил зеленую информационную панель, схожую с теми, которые до этого наблюдал у людей.

Объект — собака, размер безопасный, ID 354-423-127-732-811.

Какая-то совсем уж мизерная информация, по девушкам куда больше пишут, почти один в один, как в ситуации с Годей.

Сколько еще нужно ползти до этого корпуса? Кого ни спрашивал по пути, одни недоумки попадались, никто не понимал, о чем речь, спасибо, что при упоминании башни обычно указывали в одну и ту же сторону. Рок уже около часа туда шагал, знал бы, в самом начале расспросил, как туда можно доехать.

Дело не в том, что устал, с этим проблем пока нет. Колено забарахлило — сперва начало покалывать, затем заболело, нехорошо отзываясь на каждый шаг. Чем дальше, тем хуже, еще час такого времяпрепровождения, и Рок завывать начнет.

Впереди показалось столпотворение, его причиной являлась еще одна авария, причем глупейшая. Машина ухитрилась на приличной скорости выскочить из плохо просматриваемого заезда во дворы и врезалась в бок другой, проезжавшей по главной улице. Той обе двери смяло, к бордюру отбросило, в общем — серьезное столкновение, но не из тех, которые заканчиваются гибелью или инвалидностью.

Тем не менее водитель пострадал, лицо его было окровавлено, к рассеченному лбу он прикладывал небрежно скомканный носовой платок и всюю костерил виновника столкновения, загибая столь изощренные обороты с применением ненормативной лексики, что люди поневоле стремились подойти поближе. Даже с другой стороны улицы торопливо семенили, боясь пропустить хоть словечко от виртуоза художественного мата. Впервые за все время встретился человек, который говорил живым, насыщенным языком, остальные чем-то неумовимо походили друг на друга — поголовно механические куклы (причем выпущенные с одного конвейера).

Не удержавшись, Рок навел на матерщинника «пристальный взгляд».

Объект — иммунный, гуманность — ноль, не идентифицирован,

предположительно безоружен, умения Континента не выявлены.

А это еще что такое?! Написано не меньше, чем по Годе, но при этом совершенно иначе. Вот где вездесущая пятнадцатизначная цифра? Она ведь даже у собаки наличествовала, не говоря уже о девушках. И почему квадратик абсолютно белый с черным текстом? Ведь во всех остальных случаях он был зеленым. Что значит «иммунный» и как гуманность может быть нулевой?

Очередная загадка без разгадки.

Рок тоже остановился, надеясь, что вот-вот появятся полицейские. Захотел проверить на них «пристальный взгляд»: отобразится ли в описании то, что отображается у других людей, а именно — вооруженность?

Увы, дожидаться было не суждено. Он не стремился пробиться в передние ряды, скромно встал чуть в сторонке, поглядывая вокруг, высматривая служивых, и поэтому сумел разглядеть, как грузовая машина, стоявшая мерах в ста, после негромкого стеклянного звона вспыхнула ярким пламенем, одновременно тронувшись с места. Похоже, водитель, прежде чем хлопнуть дверь, что-то бросил назад и вверх, но уверенности нет, Рок заметил это, поворачиваясь, самым краешком поля зрения.

А еще он вдруг вспомнил, что мимо этой машины проходил около минуты назад и обратил внимание на то, что какой-то одетый в ярко-оранжевую спецовку тип, присев возле кабины, затыкал горловину грязной бутылки такой же грязной тряпкой и при этом скалился, будто жаждущий большой крови псих, только что обнаруживший большущий чемодан, набитый тротилом.

И еще Рок обратил внимание, что машина была загружена баллонами с газом.

Сопоставив одно с другим, он поспешно развернулся, бросившись прочь, резво пробиваясь сквозь толпу беспечных зевак, безжалостно работая локтями, отпихивая людей в стороны, сбивая с ног и бесцеремонно топчась по возмущенно орущим телам. Теперь ругался не только водитель на водителя, Року тоже доставалось со всех сторон, но грубые слова пролетали мимо ушей, не оставляя ни тени негатива.

Да пусть хоть до костей на ругань изойдут, ему сейчас нет дела до таких мелочей.

Здесь нельзя резво умчаться в одну или другую сторону — два длинных здания улицу поджимают, причем жилые, на фасадах с этих сторон дверей нет, а окна располагаются высокомерно. Если он не прорвется через толпу до того момента, когда в нее врежется горящий грузовик, груженный взрывоопасным содержимым...

Выскочить из человеческого скопища Рок не успел, мир вспыхнул огнем и болью, миг заставившей заорать не своим голосом, завывать, теряя зрение и слух.

А затем все плохое стремительно сошло на нет, после чего он оказался в окружении знакомого угольно-черного мрака.

Внимание, вы погибли. Потеряно одно очко прогресса физической силы. Внимание, при гибели вы теряете очки прогресса основных характеристик в количестве от 5 до 50 % от текущего требуемого значения, и эта цифра не может быть меньше 1. Теряя уровни характеристик, вы рискуете потерять прогресс основного уровня и лишиться связанных с ним достижений... До возрождения осталось 101 секунда.

Рок начал догадываться, что именно ему напишут дальше. Знал если не все, то немалую часть.

И то, что случится после прочтения надписи, тоже не является великой тайной.

Дело почти привычное.

Научен.

Вот кто бы мог подумать, что студенческие общаги можно настолько возненавидеть...

Глава 3

Жизнь третья. Опыт — великая вещь

Новичок, вы вот-вот станете частью Континента. Вы возрождены на кластере 252-88-26. Регион — Западное Побережье. Текущее количество возрождений — 97 жизней (минус 2 от стартового). Текущие задания: выжить, искать, узнать тайное, помочь, задать правильный вопрос. Текущий статус — старт игры. До перезагрузки кластера осталось 98 секунд. Подсказка — многие потенциальные зараженные страдают психологическими проблемами различной степени тяжести, ввиду чего способны на совершение различных опасных поступков: создание аварийных ситуаций на дорогах; немотивированные хулиганские действия; нападение с целью убийств и нанесения травм; и даже террористические акты с массовыми жертвами. Опасайтесь неадекватно выглядящих потенциальных зараженных и избегайте мест массовых скоплений потенциальных зараженных и иммунных. Внимание! Вы потеряли вторую жизнь, не достигнув самостоятельного прогресса ни в одной из характеристик. Постарайтесь, чтобы подобное не повторилось, не допускайте обнуления количества возрождений. В качестве компенсации и помощи ваша удача получает 20 очков прогресса и становится равной 2. С вашим затянувшимся невезением удача не будет лишней. Удачной игры.

Рывком подскочив, Рок опустил ноги на холодный пол и, обведя взглядом то, чего до этого уже навиделся в двух почти не отличимых вариациях, с бессильной злобой рывкнул:

— Суки хитрожопые, да вы даже не представляете, что я сделаю, когда доберусь до вас! Серый, Годя или как там тебя, баран тупой! Не прикидывайся ветошью, я знаю, что ты не спишь! Бегом забрался в сеть, нужен такой запрос: «Похоже, я торчу в виртуальной реальности, где меня все время валят. И я тут ни хрена не понимаю!»! Шевелись, тормоз, вот-вот вырубят свет и связь! В темпе давай! В темпе!

Может, с памятью у Рока и нелады, зато все прочее работает, в том числе и наблюдательность. В прошлый раз, приходя в себя, он успел заметить зеленые огоньки на роутере, но вскоре они потухли.

Сопоставить упоминание о близкой перезагрузке непонятно чего с исчезновением электричества — смелая идея, но Рок, скорее интуицией, чем разумом, уверовал, что именно этот срок проходит с момента его пробуждения до отключения света и связи.

Вот только «Серый-Годя или как его там» шевелиться в темпе не торопился. Не очень-то поспешно выбравшись из-под теплого одеяла, он первым делом продемонстрировал, что на этот раз не брюнет и не светловатый шатен, а рыжий (и такой же непричесанный), в остальном принципиальных отличий не наблюдается, даже голос, который студент подал после долгого пристального взгляда, был схож с голосами его предшественников:

— Пеле недоделанный, чего орешь?

— Слышь, отставить тупые вопросы, у тебя вообще-то последние секунды тикают, вот-вот связь вырубится и больше не появится. Так что давай шевелись, у нас тут вопрос жизни и смерти. — Рок, понимая, что грубым напором вряд ли заставит работать собеседника быстро и качественно, чуть не скатился до самоунижения, одновременно с легким недоумением вглядываясь в информацию по парню.

Там ни слова не говорилось о его имени или прозвище. Очень может быть, что оно отображается, только если тот сам его назовет или его узнают каким-нибудь другим способом.

Рок сейчас узнает.

А ведь это идея...

— Давай-давай, не косись на меня, слово в слово вводи: «Похоже, я торчу в виртуальной реальности, где меня все время валят. И я тут ни хрена не понимаю». Это и правда вопрос жизни и смерти, все очень серьезно, — подгонял Рок студента, торопливо роясь в карманах своей одежды.

Ну хоть что-нибудь, он ведь не с луны сюда свалился, что-то должно быть: паспорт, билет читательский, квитанция из частной венерологической клиники или справка об освобождении из мест не столь отдаленных. Да что там справка — в столь печальном состоянии можно даже согласиться найти у себя почетный пропуск постоянного клиента дешевого борделя для самых непритязательных извращенцев.

Даже больше — сойдет клочок туалетной бумаги из этого клуба, но с условием, чтобы на нем непременно наличествовали данные Рока.

Много не требуется, всего лишь имя, почему-то он почти не сомневался, что, если узнает его, узнает и все остальное.

Или, по крайней мере, что-то очень важное. То, что позволит ему не загнуться в очередной раз или не пойми от чего, или в пламени взрыва груза газовых баллонов.

В случайность смертей не верилось совершенно, как и в то, что он сумеет вытащить что-то полезное из вот уже третьего по счету соседа по комнате. Предшественники ничем не помогли, очень похоже, что так просто в этом сумасшедшем месте ничего не добьешься, оно откровенно не рассчитано на долгий срок пребывания, когда неспешно разгадываешь одну загадку за другой.

Очень может быть, что Рок всего-навсего псих, на это прямо указывает то, что он принимает законы своего бреда за истину. Но ведь нельзя не признать, что его бред выглядит чертовски убедительным. Да что там говорить — он абсолютно реален на вид, в нем чувствуется своя, пока еще непонятная система.

Но он ее поймет. Обязан понять. Он теперь не позволит прикончить себя так просто.

Двух раз с Рока — более чем достаточно. Он пока что понятия не имеет, во что влип, не знает даже своего имени, зато точно знает, что умирать с нестерпимой болью и криками, вырывающимися из пожираемых огнем легких, ему не нравится.

Мягко говоря.

— Слушай, Поляк, а ведь связи и правда нет. Вообще никакой. Вай-фай...

— Отвалился, — помрачнев, перебил Рок студента. — И не надо рассказывать, что планшет и телефон не видят мобильную сеть.

— Откуда ты... — поразился тупой тормознутый бездельник, по полчаса валяющийся в койке без движения, начиная постигать глубину прозорливости странно себя ведущего Рока.

— Оттуда, откуда знал, что тебе, печальному придурку, шевелиться надо, — вновь перебил Рок и спросил: — Если света нет во всем городе, как можно забраться в Интернет?

— Да ну, даже если так, сервера какие-то на автономке должны оставаться, да и мобильная связь так просто не отваливается. А почему во всем городе?

— А по кочану — раз я сказал, что во всем, значит — во всем.

— Что-то тут не складывается, ты как-то неправильно себя ведешь, и вообще, все

неправильно. Что за дела?

— Да что ты говоришь?.. Ну надо же, неправильно себя веду, а я-то, наивный, думал, что это у вас обычное дело.

— Поляк, ты еще что-то интересное знаешь?

— А разве без вопросов непонятно? Да я, блин, пророк, вещающий истину за бесплатно, не пропускай ни слова, мотай на ус все, что я говорю. Прямо сейчас по всему городу начнутся аварии по перекресткам и даже без перекрестков, водилы примутся набивать друг другу морды и словесно выражаться, вокруг задымятся пожары, а в собравшиеся толпы тупых дебилов будут заезжать психи на грузовиках, набитых баллонами с газом.

При этих словах за окном что-то гулко грохнуло с такой силой, что стекла жалобно зазвенели, а парень напрягся, уставившись на Рока с таким выражением лица, будто тот и правда прямо сейчас свалился с небес без парашюта и, поправив над головой сияющий нимб, начал вбивать свет высшей истины в недалекие простонародные массы.

— Поляк, да откуда ты...

— Муж твой Поляк и жертва сифилиса, а меня зови Рок. Пока что Рок, а там посмотрим. Значит, насчет Интернета ты ничего умного сообщить мне не хочешь?

— Да надо малехо подождать, не может связь надолго пропасть, это просто сбой какой-то. — Голос студента был полон уверенности, несмотря на то что тридцать секунд назад он лепетал, как мелко нашкодивший школьник.

Ему будто мозги успели перезагрузить за это время.

А может, он из тех самых, зловещих неадекватных, о которых в подсказке предупреждали? По указателю к нему написано, что он потенциальный зараженный, а психи как раз из таких получают.

Рок и без того планировал держаться как можно дальше от места, которое так легко и внезапно превращается в ловушку, но теперь был заинтересован свалить отсюда побыстрее. Пусть все, за единственным исключением, встреченные им люди относились к тем же самым «потенциальным зараженным», именно в этой комнате он не хотел допускать даже намека на рискованную ситуацию с личным участием.

Первая смерть слишком свежа в памяти.

— Одежды полегче в этой хате не водится? — спросил Рок и, повернувшись к стулу, опешил от легкого изумления.

— А разве бывает еще легче? — удивленно спросил студент в унисон его мыслям.

Никаких тебе джинсов из плотной материи, теплой куртки, свитера и шерстяной шапки. Цветастые легкие шорты ниже колен, такая же легкомысленная рубашка (естественно, с короткими рукавами) и темные очки. К пляжному гардеробу и обуви соответствующая полагается: покосившись на дверь, Рок обнаружил под ней искомое — растоптанные черные шлепанцы приличного размера, как раз под его лапищи.

— Поляк, чего там с одеждой не так? — Студент не унимался, сыпал тупыми вопросами, это раздражало все больше и больше.

— А ничего. У вас, недоумков, что, лето посреди зимы настало?

— У нас? Смеешься, что ли? Какое лето, конец мая, еще не все отцвести успело.

— А одеваетесь, как негры в Африке.

— Ну так жара уже третий день стоит, антициклон какой-то или не знаю что. Девки почти голяком ходят, нравится мне такая погода. Поляк, а ты меня реально удивляешь, что это с тобой, вообще какой-то пришибленный. Заболел, что ли?

Поспешно застегивая рубашку, Рок ответил невпопад:

— Что-что... да ничего хорошего... И это... понятия не имею, кто ты такой, но постарайся успеть свалить отсюда до вечера.

— А чего так?

— А того. Я знать не знаю, что тут за дела начнутся, но тебе это вряд ли понравится.

— Поляк, ты...

— И к толпам людей не стоит приближаться, если жить не надоело, — добавил вместо слов прощания уже в дверях.

Уверенно продвигаясь в направлении лестницы, расположение которой теперь знал, Рок напрягал голову, вспоминая невразумительные подсказки, которые неведомые кукловоды ему давали при каждом старте новой жизни.

Вытащив из глубин небогатой памяти самую первую, тихо произнес:

— Меню.

Перед лицом тут же вспыхнули россыпи цветастых прямоугольников разного размера, напрочь заглушив поле зрения и заставив остановиться. Рок, поспешно выхватив взглядом несколько слов, только и сумел понять, что перед ним светится нечто, напоминающее небрежно скомпонованный интерфейс компьютерной игрушки, где в одну кучу с перекрестами, заслоняя друг дружку, свалено все что можно и нельзя без малейшего намека на продуманный дизайн, подразумевающий удобство для пользователя (в том числе отсутствовало интуитивное понимание управления всем этим хозяйством).

Вновь произнес то же слово:

— Меню.

Сработало, все тут же исчезло, а то ведь в подсказках не было способа отключения этой нечитаемой мешанины. По-хорошему, конечно, надо бы разобраться, с чем имеет дело, но нет сомнения, что это займет время, а он не собирается даже лишнюю минуту задерживаться в общежитии.

Воспоминания о первой встрече — самые яркие и отвратительные. Рок, пусть и скрипя зубами, готов согласиться еще раз сгореть во вспышке пламени, а вот вновь слушать, как трещат его кости и рвется мясо под клыками...

Увольте от такой радости.

Только было шагнул на лестницу, как стремительно промчавшаяся друг за дружкой парочка хохочущих молодых людей заставила дернуться, потерять равновесие, ухватиться за покрытый облупившейся краской поручень. Пришлось неловко опереться на правую ногу, колено ответило на это вспышкой острой боли, Рок с трудом удержал равновесие и крикнул в спины бегущим вниз:

— Куда вы так торопитесь, дебилы, в гей-клубе сегодня выходной!

Оба придурка проигнорировали обиду, или вообще не услышали, или даже все сказанное охотно признали, а жаль, уж очень хотелось объяснить им некоторые аспекты правил культурного поведения.

Что бы ни происходило, при всех трех вариантах пробуждения с ногами у Рока всегда нелады. И пусть бы там шрамы, жить они не мешают, но ему кажется, что колени никакие, опасно хрупкие, стеклянные. Особенно с правым плохи дела, один неудачный шаг — и рассыплется на мелкие осколки.

Такая же неизменная здешняя стабильность, как лохматый сосед под грудой одеял.

Кстати, а ведь в общежитии на этот раз жарко, как в добротной натопленной парной. Вот

зачем этот балбес под слоями шерсти парится?

Ну да — ради все той же стабильности обстановки, ничем другим эту тупость не объяснишь.

Может, Рок и правда ненормальный, но мир, который с ним играет в непонятную и крайне жестокую игру, тоже не без огрехов.

Оказавшись на улице, он остановился, не представляя, что делать дальше и куда, собственно, следует податься. Ситуация непередаваемо бредовая, полностью непонятная, и надо как-то с ней разбираться, но только как? Может, стоит забиться в тихое местечко и хорошенечко изучить это чертово меню? Глядишь, в нем найдутся полезные подсказки.

Знать бы еще, где здесь можно найти тихое место...

Кстати, здание выглядит чуть иначе, чем в прошлый раз: совершенно другой окрас, конструкция входа иная, даже этажность меньше. Оно явно другое, просто архитектура схожая. И улица не такая — нет ни одного тополя на противоположной стороне, а в тот раз они там до такой степени разрослись, что даже при отсутствии листвы перекрывали обзор.

Да тут все не так, начиная от ширины проезжей части до роскошно-зеленых, непонятно откуда взявшихся газонов, рекламных щитов, сетевого супермаркета в отдалении и прочего-прочего.

Это другое общежитие, другая улица и другой город, а Рок что старые не знал, что с новыми незнаком. Понятия не имеет, куда идти, но в голову настойчиво стучит одна мысль: ни при каких обстоятельствах нельзя приближаться к скоплениям людей. Если верить собственному хронически печальному опыту и последней подсказке — это излюбленные мишени полностью безумных маньяков.

Значит, в идеале следует держаться в одиночку, шарахаясь от прохожих.

Он по-любому за, все эти туповатые рожи с однотипно примитивными разговорами его только раздражают.

Обернувшись по сторонам, заметил многообещающий проход между высокой бетонной стеной, за которой невдалеке возвышались обшарпанные здания явно нежилого назначения, и коробкой недостроенной высотки, возле которой застыл башенный кран и не наблюдалось рабочих. Толп пешеходов тоже не видать, а чуть дальше зеленеет что-то похожее на парк, причем запущенный. Вряд ли в нем стадами мамы со своими личинками выгуливаются, из всего, что Рок заметил, это самое перспективное направление для тех, кто предпочитает тишину и одиночество. Детали не разглядеть, туманная дымка, ненормальная для столь ясного дня, скрывает, но вряд ли он ошибается, не может такое место оказаться многолюдным.

Не задумываясь, направился в ту сторону, но мимо стены не пошел, потому как там бодро, будто спеша удалиться от смерти, шлепала парочка старушек. Не понимая, во что вляпался, Рок предпочитал дуть на воду — мало ли, вдруг какой-нибудь не умеющий считать, окончательно чокнувшийся дегенерат сочтет эту морщинистую рухлядь скоплением народа, достойным его внимания. Поэтому чуть повернул, направился напрямиком через стройку, благо проход в заборе открыт, шлагбаум поднят, ни охраны, ни рабочих не видно — может, выходной у всех, может, дружно на стаканы попадали. Глядишь, при таких порядках и на другую сторону не придется перебираться через препятствия, а если и не так, за безлюдность можно и не такое простить.

Рок нарвался практически сразу, как мальчик, только-только забравшийся в чужой сад и даже не успевший к незрелым яблокам прикоснуться. Едва дошел до угла недостроенной

коробки, обогнул стопку бетонных плит, чуть удивленно покосился на странноватый узик-«буханку», непонятно зачем обшитый сеткой-рабицей и сваренными из арматуры решетками. Очень похоже на такси, специализирующееся на перевозке самых немых бомжей, никто попримечнее на километр к такому драндулету не приблизится. Необычная колымага заинтересовала настолько, что уделил ей повышенное внимание и потому, как последний ротозей, едва не столкнулся лбом с парочкой сурового вида мужиков — в последний момент остановиться успел.

Обоим лет по тридцать с хвостиком, с ног до головы в слегка затасканном камуфляже, и это явно не форма, а какая-то партизанская самодеятельность — ни о какой армии, полиции или хотя бы частной охранной фирме не может быть и речи. У одного в руках монструозная винтовка странного вида — явно не пневматика для отстрела ворон-недоростков, что-то подчеркнуто мощное, неподъемно тяжеленное, для нанесения ущерба самым внушительным целям, с огромным оптическим прицелом и сложенными вдоль длиннющего цевья сошками. Да уж — из таких по пивным банкам лупить не принято. Второй тоже не с пустыми руками, при узнаваемом по всему миру изделии от Михаила Калашникова, простом и функциональном, как и все, что связано с фамилией этого конструктора. Облик незнакомец дополнялся разгрузочными жилетами, ножами, пистолетами, гранатами, запасными магазинами и прочими предметами немирной направленности, включая какой-то жутко хитроумный гибрид топора, тесака и кирки на поясе у одного и черную рукоять самого натурального короткого меча, выглядывающую из-за спины второго.

Оба выглядели однотипно — ничуть не похожи на престарелых студентов из оставленной за спиной общаги или на праздных пешеходов, зато похожи на людей, для которых смертоубийственное оружие в руках — рабочий инструмент, причем привычный. И есть в их облике что-то неуловимое, неопишное: достаточно посмотреть на таких, и сразу понимаешь — они явно не из пятизвездочной гостиницы заявили и вообще не страдают тягой к роскошной спокойной жизни. Эти мужики могли провести ночь под кустом, а предыдущую в каком-нибудь сарае с протекающей крышей, а до этого вообще в волчьем логове похрапывали, готовые вскочить в один миг и без раздумий открыть огонь из всех своих стволов.

Секунды две или три все молча и пристально таращились друг на друга, причем Рок совершенно произвольно напрягся и что по одному, что по другому незнакомцу получил две светло-зеленые таблички с одинаково коротким текстом:

Объект — иммунный, гуманность — низкая положительная, не идентифицирован, хорошо вооружен, умения Континента не выявлены.

Почти как у того матерщинника, вокруг которого собралась толпа, ставшая мишенью для психа.

Обладатель автомата повел стволом в сторону и без угрозы, но твердо выдал:

— Парень, шагай в сторону, мы тебя не видели, ты нас не знаешь. Бегом шагай, тут тебе задерживаться не нужно, уж поверь.

Тип с винтовкой при этих словах погладил роскошные усы и покачал головой:

— Дюбель, это не цифра. Ты посмотри на него — новый совсем, нулевой, ни разу не поцарапанный. Небось заблудился, мамку ищет, сисю хочет.

Автоматчик уставился на Рока, прищурился и удивленно повел бровью:

— А ведь и точно. Парень, ты тут давно?

Не представляя, как ответить на такой, казалось бы, элементарный вопрос и отчетливо понимая, что у этих опасных с виду людей наверняка имеется информация, нужная до зарезу, Рок, с превеликим трудом стараясь выглядеть образцом вежливости и покладистости, пожал плечами:

— Вы, наверное, не поверите, но я знать не знаю, что на это можно сказать.

— Знакомо, все такими были, — не проявляя ни намека на хоть какую-нибудь эмоцию, кивнул усатый. — Удачу на сколько приподнять успел?

— А понятнее нельзя спросить?

— «Бла-бла-бла, всякая хрень, и в качестве компенсации за пережитые унижения ваша удача получает хрен знает сколько очков прогресса и становится равной хрен знает чему». Слышал когда-нибудь что-то подобное? В смысле читал красные слова? Сколько тебе в последний раз капнуло?

— Два, — автоматически брякнул Рок, пораженный тем, что его догадка по поводу повышенной информированности странной парочки не просто угодила в цель — она эту цель разнесла на мелкие осколки.

Они знают даже то, что пишется ему при оживлении, а такая осведомленность не может не впечатлять.

— Ну это всем нулевкам нулевка, — протянул Дюбель. — Ему еще качать ее и качать, даже жалко бедолагу, натерпится.

— Может, прихватим его с собой? — Усатый выразительно указал на коробку недостроенной высоты.

Автоматчик медленно покачал головой:

— Дог на такое сильно огорчится, а это нехорошо.

— Да ладно, это ведь нулевка, не бросать же его вот так.

— А ты знаешь, что бывает, когда Дог становится огорченным?

— Да что тут такого? Ну посидит паренек тихонько, потом подкинем его к стабу, хорошее дело сделаем, маленько к человечности заработаем, всем от этого будет хорошо.

— И чем он там, наверху, заниматься будет? Нас и так уже пять рыл набралось, Урюку прикрывать такую ораву непросто, у него умение хреново прокачано. Это ведь нулевка, получается, у него вообще все по нулям, светиться будет на километр при таких характеристиках, даже мелочь его засечь сможет, спалит и себя и нас. Рябой, ну разве я не человек? Я все понимаю, но расклад ты сам представляешь, а Дог знает его получше и тебя и меня, у него все четко продумано, нулевые никак не вписываются в такие дела.

Усатый кивнул:

— Ну да, не подумал. — Повернувшись к Року, он поспешно затараторил: — Парень, тебе прямо сейчас отсюда рвать когти надо. Давай разворачивайся и сваливай. В темпе сваливай, тут вот-вот такое начнется, что единичку к удаче влет прибавишь.

— Развернуться мне недолго, но, может, скажете, что здесь и как? Если сами такими были, должны понимать, каково это. Я вообще без понятия, как это разгрести, что делать, куда и чего.

— Не грузи, все мы понимаем, но тут и за день не рассказать, а времени немного осталось. В общем, смотри сюда и запоминай слово в слово. — Собеседник начал показывать на пальцах. — Вот это река к западу отсюда, а вот с востока такая же река. Обе широкие, на юге они сливаются, а сам город начинается чуть севернее слияния. Мы его так и

называем — Междуреченск, хотя на самом деле он ни хрена не Междуреченск. Ну да никому здесь это не интересно, как окрестили, так и прижилось, все ведь понятно. Сам город — отдельный кластер, плюс маленько земли чистой вокруг к нему относится, а вот тут, перед слиянием, но не добираясь до городской окраины, стаб мелкий начинается. Когда подходит перезагрузка, местные зараженные разбегаются отсюда кто куда. В том смысле, что оседлые, которые торчат до последнего любят. Воду они любят, как грешники адскую смолу, поэтому часто тащатся вдоль нее, и на слиянии их скапливается столько, что друг у дружки на головах сидят. Как только туман сходит, сразу возвращаются, без задержки, как обычно бывает, потому что рядышком отсиживаются, на виду у города, дальше ведь хода нет, а это самый быстрый вариант для сволочей. Вот здесь, где мы сейчас засели, как раз одно из самых узких мест, излуцина подпирает, плюс цепь прудов при парке, плюс канал. Куда ни посмотришь, везде вода, проход всего один, не считая мостов и дамб, и по нему примчится большая часть засевших на слиянии. Короче, парень, вали отсюда резче, здесь вот-вот те еще дела закрутятся.

— Благодарю за ценное указание, но куда мне валить? Что за оседлые? Что за стаб? Не, ну мужики, я вообще знать ничего не знаю, меня тут уже два раза грохнули ни за что, с такими делами и в третий раз влегкую грохнут, даже понять ничего не успеваю.

— Верно, но, если останешься тут, еще раз грохнут, — напряженно пояснил автоматчик и указал стволом в сторону: — Туда беги, четко по самой широкой улице, которая эту пересекает чуть дальше. Там, слева, ниже по ней, мост стоит. Успеешь перебраться на ту сторону, считай, малость времени выгадал, это уже за рекой будет, а там расклады совсем другие. Только возле моста долго не трись, мост — это вода и уость, рановато тебе в таких популярных местах отсиживаться.

В разгрузочном жилете усатого захрипела рация, искаженный голос прогудел:

— Вы там что, взасос целуетесь или как это понимать? Где вас черти носят? А ну резче навверх, самые голодные мимо озера проскочили, уже спортсменов по парку ловят, там у них теперь спринт вместо бега трусцой.

Усатый вскинул тяжеленную винтовку на плечо и скорчил чуть виноватую мину:

— Извиняй, парень, что успели, то рассказали. Если нарвешься, лупи их в голову или по хребту.

— Кого? — Подсказка избить кого-то в голову и по хребту Рока заинтересовала сильнее всего прочего, но он продолжал ничего не понимать.

Ничего удивительного — более отстойные объяснения невозможно было вообразить.

— Ты клиентов сразу узнаешь, не сомневайся, — ухмыльнулся Дюбель, протягивая Року уплощенную фляжку. — На вот, залейся на дорожку. Хорошенько хлебни, лишним не будет, на денек нормальной житухи должно хватить, а больше ты вряд ли протянешь.

— Пей, — поддержал его усатый. — Дюбель прав, вряд ли поможет, ну а вдруг. Считай, что на удачу.

— Только не нюхай и вообще, носом не крути, — строго добавил автоматчик. — Просто резко выпей, уж поверь, это самое главное, что тебе нужно, без живчика тут долго не протянуть.

Пребывая в расстроенных чувствах по причине того, что осведомленная парочка гонит его, не желая ничего объяснять и при этом заявляя о великой опасности, ему угрожающей, Рок отхлебнул, почти не задумываясь над своими действиями, и тут же закашлялся — вкус у неведомого пойла оказался отвратительным: неприятно-кисловатое, отдающее чем-то

затхлым, раздражающе-приторное и, похоже, сдобрено какой-то совсем уж дешевой сивухой, выгнанной из опилок гнилого заплесневелого пня.

Усвоена порция спорового раствора. Споровый баланс 90 %.

— Не плюйся! Глотай! Глотай давай! — на разные лады затараторили оба, посмеиваясь, как люди, отмочившие славную шутку.

Что в общем-то так и было.

Когда Рок чуть отдышался, Дюбель с фальшивой участливостью осведомился:

— Ну и как тебе наш компот?

— Вы его что, из шахтерских портянок варите? — вопросом на вопрос ответил Рок, стараясь, чтобы голос не звучал откровенно злобно.

— А парнишка-то не из тупых, влет секретный рецепт срисовал, — ухмыльнулся усатый. — Вот только тут даже не портянки, тут куда хуже дела, рановато тебе знать подробности, зеленый совсем, нулевка полная, жизни не видал.

— Беги уже, — посуровел автоматчик, указывая в ту же сторону. — Пора нам, Дог вот-вот икру начнет метать, в парке уже веселье начинается, а мы тут с тобой треплемся.

— Помни, у моста не оставайся, если получится, как можно быстрее уходи на север, обязательно найди какое-нибудь оружие, хоть трубы кусок, хоть палку потяжелее, бей им в головы или хребты, не слоняйся по открытым местам и никому не верь, — добавил усатый. — Давай-давай, беги уже, времени и правда нет с тобой нянчиться, что-то они на этот раз какие-то резкие, не к добру это.

Поняв, что больше от этих людей помощи не дожидаться, а приставать к ним и дальше — это риск ухудшить относительно доверительные отношения с непредсказуемыми последствиями, Рок развернулся и быстрым шагом направился назад к общежитию.

Мчаться со всех ног, как ему настойчиво советовали, счел ниже своего достоинства, но никто не стал подгонять его в спину. Или такая скорость приемлема, или...

Или этой странной парочке абсолютно все равно — избежит он неведомой опасности или нет.

Глава 4

Жизнь третья. Бордель во время пожара

Раздавая Року советы, странная парочка не догадалась подсказать главное — в двадцать первом веке ходить или тем более бежать только лишь для того, чтобы попасть из одной точки в другую, вовсе не обязательно.

Особенно если ты находишься в городе.

Телефона у Рока нет, и это почему-то удивляло, потому что какая-то тень воспоминаний подсказывала, что такая штука должна быть обязательно. Да и, глядя, как люди на улицах повсеместно пытаются чего-то добиться от своих ставших бесполезными трубок, можно сделать вывод, что они имеются если не у всех, то у очень многих. Однако отсутствие этого предмета вообще не напрягало, зато волновало кое-что другое, тоже связанное с личным имуществом.

То, что бумажник у Рока имеется, он обнаружил еще в общежитии, когда пытался разузнать о себе хоть что-нибудь. Его тогда тоже перерыл, кроме денег в нем обнаружилась дисконтная карта магазина спортивных товаров, билет на фильм, название которого ему ничего не сказало, и безвкусно оформленная реклама стрелкового клуба. Никакого намека ни на имя, ни на фамилию, ни на род занятий — вообще ничего.

В данный момент Рока сильно интересовал финансовый вопрос. На вид в бумажнике денег немного, где взять еще, он понятия не имел, кредитки у него не нашлось (да и была бы, какой от нее прок при отсутствующем электричестве).

Такси, которое он приметил, еще выходя из общежития, стояло на прежнем месте — на полпути к супермаркету. Потасканная машинка отечественного автопрома, без изысков, простая рабочая лошадка, где с комфортабельностью туго и местами грязновато. Ну да ему абсолютно все равно, лишь бы ехать могла.

Водитель оказался на месте, он занимался тем же, чем и многие другие, — ожесточенно терзал смартфон, будто искренне верил, что тот, испугавшись или смилостивившись, заработает как прежде.

Постучав в наполовину опущенное стекло, Рок вывел таксиста из мобильной нирваны и задал вопрос, понятный всякому работнику этой профессии:

— Шеф, свободен?

Тот, не мигая и ничего не произнося, изучал потенциального пассажира секунды четыре, что явно многовато, после чего лаконично ответил:

— Допустим.

— Хочу за мостом оказаться. И побыстрее.

— За каким мостом?

— Мост — это такая штукавина, которая соединяет берега реки.

— Я в курсе. Тебе какой именно мост нужен? — голосом человека, терпеливо втолковывающего дебилу основы квантовой физики, уточнил таксист.

То, что нужный Року мост не является единственным, стало сюрпризом — об этом его не предупреждали. Но известие не выбило из колеи, начал объяснять, как мог, показывая при этом рукой:

— Тут вроде улица должна быть, широкая, она ведет влево, внизу по ней и будет этот

МОСТ.

— Ты что, неместный?

— А это проблема?

— Да нет, просто интересуюсь. Тебе куда за мост?

— Просто за него куда-нибудь на километр увези. На сколько это потянет?

— По счетчику набежит где-то под девяносто. Только подождать придется, связь не работает, даже навигатор ничего не показывает, счетчик не пашет.

Рок, ничуть не обманувшись подробными объяснениями водителя и обрадованный тем, что, оказывается, он финансово способен потянуть несколько таких поездок, предложил свой вариант:

— Машина работать должна, а я ехать, ничего не ждем, плачу две сотки. Только давай без героизма и по тихим улицам, где ни толп обезьян, ни движухи плотной, не хочу в пробке стоять. Норма?

— Мост нам никак не объехать, а там движение всякое бывает.

— Я в курсе, что мосты — узкие места, но ты постарайся.

— Всегда стараюсь.

— Ну так что, едем или общаемся дальше?

— Запрыгивай.

Едва начали выруливать на дорогу, как таксист произнес:

— Почему сказал, что неместный? Я ведь вспомнил тебя, ты футболист.

— А зовут меня как? — спросил Рок с замиранием сердца.

Неужели наконец получит ответ на столь простой и одновременно запутанный вопрос.

Увы, не все так просто, водитель покачал головой:

— Я по футболу не очень, мне больше бокс нравится.

— Да меня здесь все с каким-то футболистом путают, — соврал Рок, прикрывая правое колено левым, а левое ладонями.

Шрамы там знатные, приметные, из-под шорт выглядывают, видно, что хирурги резали безжалостно. Не хочется ни об амнезии рассказывать, ни о надписях перед глазами, а хочется просто перебраться на другую сторону реки, пока его в очередной раз не прикончили.

Возможно, мучительной смертью.

— Да, лицо похожее, даже я тебя вспомнил, — продолжил словоохотливый водитель. — У тебя в телефоне навигатор есть? Ну, в смысле спутниковый? Может, работает.

— Я трубу дома забыл, — снова соврал Рок.

Не хотелось признаваться, что телефона у него вообще нет, а то, глядишь, дойдет до того, что первому встречному придется рассказывать, что документов тоже нет, к тому же он сам себя не помнит и регулярно видит странные вещи, каким-то непостижимым образом связанные с кошмарными событиями.

— Ерунда какая-то. У меня смарту сеть вообще не нужна, лишь бы спутники летали. Но ничего, собака, не показывает, будто в подвале сижу.

— Накрылась твоя труба.

— С чего ей накрываться, вроде все работает. Просто ни связи нет, ни спутников не видит, и такое у всех.

— Перезагрузи, вдруг поможет.

— Уже пробовал — не помогло. И навигатор в машине тоже ничего не видит. Не могло же все сломаться одновременно, тем более с виду работает как обычно. Такое дело глушить

могут?

Рок пожал плечами:

— Вообще-то я без понятия, но, наверное, военные что угодно заглушить могут, у них такое запросто.

В этот момент таксист коротко выругался, резко выворачивая руль. Мимо, не притормозив и не просигналив, с непозволительной скоростью пронеслась гроыхающая разбитым бампером машина.

— В дурдоме сегодня день открытых дверей, — неприязненно произнес водитель. — Носятся все подряд, и на ржавых ведрах, и на дорогих тачках. Куда они сегодня все торопятся, один черт — главные улицы сейчас непроезжие, светофоры потухли, машины следом становятся, на центр без вертолета не вырулить.

— И что теперь делать будем? — напрягся Рок, чуть ли не презирая себя за то, что забыл такую немаловажную подробность.

— Так мы же не к центру, а наоборот. Прорвемся как-нибудь, дворами, потихонечку. Тут пару неприятных мест объехать надо, а дальше не должны встрять. По идее.

Мимо пронесся еще один безмозглый лихач, вызвав очередную вспышку недовольства водителя и едва не снеся зеркальце слева. Причем далеко не уехал, всего-то через пару сотен метров обнаружился в наказанном состоянии: перевернулся кверху колесами, вокруг начали собираться зеваки, самые смелые уже пытались проникнуть в салон.

Таксист, не притормозив, проехал мимо, прокомментировав:

— Стадо придурков. Если не знаешь, что там и как, вообще не трогай. Может, у человека позвоночник в труху, такого чуть шевельнешь неправильно, и в лучшем случае — калека на всю оставшуюся жизнь. Но нет же, лезут и лезут, все им неймется. Рай на Земле наступит, только когда безрукие вымрут, но мы такого счастья не дождемся, потому что эта публика умеет правильно делать только одно — из мамок выбиратья.

Рока слова таксиста почему-то неприятно напрягали, и, анализируя их, он понял, в чем дело — проскакивали те же самые неестественные перепады интонаций, как у всех трех студентов, с которыми ему приходилось общаться при пробуждениях. Не настолько, возможно, яркие, но в сочетании с замедлением и убыстрением речи без причины, постановкой фраз и самой манерой общения все эти четыре человека чем-то походили друг на друга.

И одновременно отличались от пары мужчин, по совету которых Рок сейчас ехал к мосту, о существовании которого до встречи с ними не подозревал.

Эх, поговорить бы с ними подольше и поподробнее, а еще лучше — закорешиться. Ведь проскакивали намеки, что можно податься с этими мужиками в места, где все не настолько паршиво, как здесь. Очень уж не хочется и дальше делать то, что они называли «поднимать или качать удачу», потому как, судя по их высказываниям, заниматься этим придется и дальше — такие, как Рок, по непонятной причине должны умирать снова и снова.

Ну и сколько раз? На какой цифре должен остановиться счетчик смертей, чтобы хотя бы начать понимать — куда именно его занесло?

Этим утром Рок уже начал подозревать, что за некие, напрочь забытые прегрешения он угодил в оригинальную разновидность ада, но встреча со странной парочкой уверила в обратном — похоже, здесь нет ничего потустороннего, эти мужики совершенно не ассоциировались с чем-то мистическим, оба предельно приземленные, несмотря на откровенную странноватость. Жаль только, что главные вопросы так и остались

безответными.

Да и не уверен, что сумел бы задать их правильно.

Хотя... Уже имеющейся информации достаточно, чтобы высказать обоснованное предположение. Да, это не ад (и прочая мистика), но и не реальность в привычном понимании — это игра. Странная, жестокая, абсолютно непонятная и неинтересная, но всего лишь игра. Рок не очень-то увлекается такими способами убийства свободного времени, но совсем уж ничего не знаящим его не назовешь (и самое смешное — при этом уверен, что о подобных никогда не слышал, знание будто само собой в голове нарисовалось). Повернутые на таких делах ребята сутками сидят у пыльных мониторов, наживая близорукость и туннельный синдром в запястьях, а не бегают непонятно где, пытаясь узнать хоть что-нибудь о себе в перерывах между насильственными смертями.

Нет тут никаких мониторов, есть очень даже убедительная реальность, сдобренная ритуальными пожеланиями удачной игры и...

Ну какой же он болван! Вот как можно быть таким тупым!

— Меню, — произнес Рок тихо-тихо, скорее изобразил слово движением губ, чем озвучил.

Это чтобы с таксистом не объясняться, ведь разговаривающий сам с собой пассажир может его насторожить. Рок и без того напряг его просьбой избегать скоплений людей и транспорта, не нужно усугублять.

Итак, что ему сейчас требуется больше всего? Он ведь не какой-нибудь там великий киберспортсмен, но в вопросе разбирается достаточно, чтобы осознать самое главное — в каждой игре имеется кнопка «Выход», и где ей еще отыскаться, если не в меню.

Остается пустяк — найти ее, нажать, оказаться в нормальном мире, где как можно быстрее выяснить крайне важный вопрос: кто загнал его, лишеного памяти, в игровое пространство и столь жестоко издевался? Не может быть, что в случившемся беспределе нет виноватых, уж одного как минимум надо как следует подержать за горло (да и попинать ногами не будет лишним).

Увы, не все так просто: не прошло и минуты, как Рок окончательно убедился — именно это меню создано исключительно с целью запутывания таких, как он. Вот скажите, например, зачем нужно многостраничное окно под заголовком «Умения», если в нем пусто, как в дырявом кармане нищегорода. Или вот еще — семь полосок разного цвета, очевидно, шкалы, которые должны о чем-то говорить, но ничего не говорят, потому что поясняющие подписи отсутствуют.

И не наблюдается самого главного — нет ни намека на вожделенную кнопку. Конечно, не исключена вероятность, что она мастерски укрыта за множеством перекрывающих друг друга окошек, свернуть или убрать которые невозможно, получается лишь продвигать их вперед одно за другим, чтобы рассмотреть все. Путаница при такой каше неизбежна, но Рок подозревал, что дело вовсе не в этом.

Из места, где ты даже имя свое узнать не можешь, свалить не так просто.

Таксист тем временем и правда продвигался дворами, мимо старых пятиэтажек, рядов ржавых металлических гаражей и скопищ мусорных баков. Это Рок мог разглядеть через участки чистого пространства, не загроможденного разноцветными окошками разделов меню. Затем машина уткнулась в забор школы, повернула, объезжая ее, направилась в переулок, выходящий на широкий проспект, движения на котором не просматривалось.

— Видал? — самодовольно заявил водитель. — Пробка выше осталась, народ так и

стоит там в очереди, нехорошее место, худшее в городе. А мы сейчас одни, как короли, проскочим.

— А почему снизу никто не показывается? — недоверчиво уточнил Рок, когда до проспекта осталось не больше пары десятков метров, и заодно тихонечко прошептал «меню», расчищая себе поле зрения.

Таксист ничего не успел сказать — ответ показался во всей красе. Слева выскочила целая колонна разнообразной техники, преимущественно негражданского назначения, включая бронетранспортер. Видимо, для ее прохода улицу где-то ниже перекрыли, а разглядеть машины не получалось до последнего момента, они выскочили из-за угла с дурной скоростью, недопустимой, когда едешь такой оравой.

— Ого! — заявил Рок, не представляя, что тут еще можно сказать. — И часто у вас здесь такие покатушки устраивают?

— Восьмой год, как в эту деревню перебрался, и впервые такое вижу, — озадаченно ответил таксист и, выворачивая голову, добавил: — К южной развязке сворачивают, похоже, где-то рядом вся каша заварилась.

— И что за кашу там варят?

— Света нет, связь легла наглухо, навигаторы спутниковые — и те скопытились. Я, парень, одно тебе скажу — на ровном месте такое не случается. Тут или какое-нибудь наводнение с землетрясением, или теракт. Ты видишь здесь воду или развалины? Землю под ногами трясет, а? Значит, сам понимаешь, что за дела завертелись. А ведь спокойный город был, никто никогда сюда не лез.

— Как они вообще без связи такую банду согнали, — указал Рок на продолжавшую тянуться колонну.

— Так это же полицаи да силовики всякие, у них на такой случай и рация, и проводная связь. Наверное, обычные телефоны работают, да только у кого они сейчас в домах остались, все давно при мобилках. О, ты только посмотри на это! — Водитель вытянул руку, наводя палец на тяжелую гусеничную машину. — Серьезная штука, такой можно стены сносить или сквозь дома проезжать. Как-то даже странно, что они так быстро выбрались на дело, обычно власти у нас пока пошевелиятся, уже и не нужно ничего.

Последняя машина, обычный с виду микроавтобус, миновала переулок. Таксист воровато оглянулся и решительно придавил газ:

— Если и перекрыто, мы знать ничего не знаем. Я тебя со двора подобрал и ждал там долго, если что, лады?

— Как скажешь.

— Знал бы, не поехал, из-за пары соток с гиббонами объясняться кому охота. Вот черт!

— Что? — не понял Рок.

— Да прорвало затык. Ну, пробку в смысле, нам в корму несутся. Не вовремя их черти дернули.

Сзади надвигался поток машин, причем первые не ехали, а почти летели, будто дело происходило не на проспекте посреди города, где скорость ограничена, а на финишной прямой экстремальных гонок. Таксист начал поспешно выворачивать вправо, пытаясь прижаться к бордюру, что, на взгляд Рока, бесполезное занятие. Эти лихачи мчались по двум рядам в три колонны, плюс еще пара нагло вынеслась на встречную, проигнорировав две сплошные линии и тот факт, что армада техники силовиков еще не скрылась из виду.

В последнюю секунду у кого-то сдали нервы, сразу две машины с визгом затормозили,

одну понесло юзом, с пассажирского сиденья не получилось рассмотреть подробности, как Рок ни извивался, и поэтому даже не понял, кто с кем в итоге столкнулся.

Но заскрежетало знатно — это явно не слегка помятое крыло или побитый бампер.

А затем врезались в такси. Не сказать чтобы сильно, но Рока дернуло прилично, а так как в этот момент голова некстати повернулась в попытке увидеть, что творится позади, шее пришлось несладко — от рывка она выдала острую вспышку боли, отступившую неохотно и оставившую после себя саднящее, крайне неприятное ощущение.

— Ну, блин, паразит тупой! — выругался водитель. — Приехали! Да в гробу я видал твои сотки, парень.

С этими словами он решительно распахнул дверь машины, но лишь затем, чтобы тут же ее захлопнуть и трясущимся голосом заявить:

— Да что же это такое... да ты только посмотри на это... Черт! Черт! Черт!!!

Рок был занят шеей — разминал, то в одну сторону голову наклоняя, то в другую, пытаясь вернуть ее в прежнее состояние. Но после этих слов, высказанных со своеобразной интонацией, не смог не уставиться вперед, куда всюду таращился водитель.

Секундой-другой больше — и Рок с высокой степенью вероятности получил бы очередную невнятную подсказку и пожелание удачной игры. Его спасли таксист, даже в такой момент не сумевший держать рот на замке, и какая-то невероятная реакция. Всего один мимолетный взгляд — и он, ни о чем не рассуждая и ни в чем не сомневаясь, плечом распахнул дверь, вываливаясь на газон, благо водитель перед этим прижался к бордюру впритирку, прокатился по короткой, сильно замусоренной травке, вскочил, скривившись от боли: во время исполнения незатейливого трюка ухитрился зацепиться распроклятым коленом, и оно отреагировало на грубость в своей обычной манере — весьма болезненно.

По всем полосам проспекта, игнорируя чуть ли не полный перечень правил дорожного движения и заодно здравый смысл, неслись машины таких же лихачей, только со встречного направления. И больше всего Рока напрягал возглавлявший гонку тяжелый грузовик — разогнал он так, как водители подобного транспорта на пустынных загородных трассах себе не позволяют. Надсадно гудящий монстр играючи снес малолитражку, которая, также с нарушением правил, неслась в сторону моста по встречной, то же самое повторил с громоздким джипом, даже не вильнув при этом, а вот автобус оказался чересчур крепким орешком.

Или, скорее, — увесистым.

Грузовик врезался с тем еще грохотом, разбросав в стороны центнеры искореженного металла, разобрал автобус до середины, и, резко уйдя вправо, задел одну из обгоняющих машин, которая из-за этого пошла юзом, столкнулась со второй, отбрасывая ее, та стукнулась о третью, четвертую, и вот уже по проспекту понеслась волна раздираемого металла — разгорелась цепная реакция столкновений.

У Рокахватило ума и времени откатиться чуть дальше за миг до того, как грузовик, расшвыривая в стороны все, что подворачивалось ему под бампер, мимоходом задел такси, в ключья разнес левую сторону от переднего колеса до багажника, помчался было дальше, но тут ему подвернулся достойный противник — несущаяся навстречу фура с идеально белым, будто игрушечным прицепом. И то и другое было чересчур чистеньким, прилизанным, что большая редкость и выглядит неестественно.

Тяжелые машины столкнулись лоб в лоб столь шумно, что Рока слегка оглушило. Хотя, скорее всего, в этом виновата железяка, прилетевшая в голову в тот момент, когда такси

превратилось в печально выглядящий металлолом, похоронивший в своих недрах так и оставшегося на своем месте водителя.

Сидя на дальнем краю газона, Рок ошеломленно наблюдал, как на дороге стремительно разворачивается эпичная картина столкновений и гибели десятков самых разных машин. Причем доставалось как излишне разогнавшимся нарушителям правил, так и стоявшим на месте, абсолютно ни в чем не виноватым, ведь далеко не все так целеустремленно торопились умереть или покалечиться, основная масса законопослушно плелась позади, и при виде такого бедлама водители, как это у них принято, дружно начинали тормозить, сами превращаясь в неподвижные мишени и другим перекрывая пути к спасению.

Сразу в нескольких местах вспыхнуло пламя и взметнулся дым, на все лады кричало множество людей, мимо Рока, постанывая, проковыляла немолодая женщина, почему-то одетая лишь в сексуальное нижнее белье, она баюкала неестественно вывернутую руку. Мужчина, который, сильно хромя, плелся вслед за ней, вдруг присел прямо на тротуаре и заскулил, будто побитая собака. Еще один бухнулся на колени чуть дальше, едва уйдя с дороги, видок у него был тот еще — в космонавты такого точно не возьмут: сплошная кровь от головы до ног, хрипит нехорошо, в лицо основательно воткнулся здоровенный осколок стекла.

Чувствуя себя не очень хорошо, Рок потрогал голову и нащупал быстро наливающуюся в объеме шишку, слегка мокрую. Повезло, что прилетевшая железяка оказалась небольшой, будь на нем та самая шерстяная шапочка, как в предыдущие два раза, мог вообще без последствий проскочить. И оглушило знатно, в ушах звенит, перед глазами плывет, частично выпал из реальности, вид продолжающей биться техники не вызывает ни малейшей реакции, будто скучный фильм перед отстраненным взглядом проходит. Даже когда красный юркий спорткар, вырываясь из механической бойни, выскочил на газон и пронесся в десятке сантиметров от него, не дернулся.

Мозг почти отключился, а ведь не так уж и сильно стукнуло.

Кто-то подхватил Рока под руку, сдернул с места с такой легкостью, будто он ребенок лет десяти, а немолодой широкоплечий мужчина немаленького роста оттащил на край тротуара за миг до того, как по нему, даже не подумав притормозить, пронеслась еще одна машина.

В ухо при этом грубым и возбужденным голосом прокричали:

— Олух, у тебя имя есть?! Имя?! Вот ведь балбес! Язык потерял?! Давай, говори уже, как тебя звать, не молчи, родной! Совсем оглох, что ли?!

Повернув голову, Рок, борясь с пеленой перед глазами, разглядел мужика лет сорока: плотное, рыхлое телосложение, рожа красная, черты лица грубые, будто его из кирпичей построили, глаза неприятные, нагло-слащавые, такому что в долг давать, что выбрасывать — одинаково. Легкая серо-зеленая рубашка расстегнута чуть ли не наполовину и не скрывает прилично развитую мускулатуру, а также серьезно заросшую грудь, на которой болтается простенькое украшение — сильно вытянутый черный кристалл с двуглавой вершинкой, прикрепленный к незатейливому шнурку.

Может, физиономист Рок так себе, но в других обстоятельствах даже не подумал бы общаться со столь явно прожженным субъектом.

Но мужик основательно зациклен на его имени, а это кое-что меняет.

Борясь с дурнотой, накатившей после удара по голове, Рок разлепил внезапно ссохшиеся губы и, перекрикивая грохот автомобилей, продолжавших с упоением биться по всей улице,

пролепетал не своим голосом:

— А ну бегом убрал грабли. Нет у меня имени, без него кручусь.

Красномордый довольно ухмыльнулся, подмигнул заговорщицки и, не обратив внимания на прокатившееся в шаге от него оторванное колесо, заявил:

— Все мы нулевыми когда-то были, это не запахло. Ну и как житуха, братан? Удачу прилично приподнял? Сколько накапало?

Опасливо покосившись на такси, в остатки которого в этот миг под душераздирающий крик врезался каким-то чудом добравшийся до эпицентра событий мотоциклист, Рок ответил:

— Пока до двух.

— Что-то не впечатляет, как-то по-детски.

— А я не тороплюсь, вырасти успею.

— Вот это грамотно, Континент торопливых любит наказывать, а оно никому не надо. Значит, получается, ты вообще свежий, а это, я тебе скажу, очень хорошо, встреча с тобой и есть настоящее везение. Прокачанная удача — ерунда, ничего не стоит, десять она у тебя или пять — разницу никому не докажешь. Примета известная есть: если новая жизнь с везения пошла, дальше тоже попрет. В смысле у меня попрет, у тебя — не факт, если сам по себе будешь болтаться по таким местам. Тебе, братан, надо к кому-то бывалому хотя бы на чуток прислониться. Меня, кстати, Слепнем звать.

— А меня... я не знаю. Пока Роком зовусь.

— А чего Роком?

— Меня какой-то чмырь общажный так назвал, когда это дело только началось.

— У тебя нулевой доступный вариант общага, что ли?

— Не знаю, но я всегда в студенческой общаге оказываюсь.

— Ага, Незнайка, такое бывает. И как там студентки? Пухлые попадают?

— Пока не примерялся, не до студенток было.

— Ну да, понятное дело, по-быстрому не всякую цифру уломаешь, а без спроса тащить — человечности вредить, да и нет интереса. А как вообще? Чем это ты здесь занимаешься?

— На траве сижу.

— А до этого чем жил?

— До этого к мосту ехал.

— И на хрена тебе мост?

— Да мне тут нашептали, что за ним будет безопасно.

— Заруби себе на носу, Незнайка, — нигде не бывает безопасно. А кто такое сказал?

— Люди вроде тебя. Только они покруче выглядели. — Рок все больше и больше приходил в себя и наконец осознал, что этот человек чем-то неуловимо похож на тех мужиков, из-за которых он оказался на этом проспекте, — просматривается поведенческое однообразие. — Они сказали, что вон в той стороне стаб с оседлыми, которые вот-вот сюда придут.

— Оседлые? — напрягся мужик. — Много их? Серьезные?

— Я даже не знаю, кто это такие.

— Счастливый ты человек, хоть бери да начинай тебе завидовать. Слышь, а пошли со мной, я тебя выведу, куда ты хотел, заодно и пару полезных советов по пути дам, тебе это сейчас нужно, по себе помню, не забыл еще. Со мной не пропадешь, я тоже не из последних, просто своим ходом выхожу, что привязанное было, еще не маякнуло, да и хлам там, почти

голяк, не стоит за таким ходить. Бедно жил в последнее время, а потом завалили меня с час назад, на крутую элиту нарвался, не свезло, такое у нас случается. Слышь, Незнайка, а в какую сторону тот мост?

— Вниз по этой трассе для психов.

— Ну пошли, пока тут всерьез не завертелось.

Рок, с заметным недоумением окинув взглядом побоище из десятков машин, очаги пожаров, лужи крови, стонущих и кричащих людей, не задумываясь, спросил:

— А разве это не всерьез?

— Что? — Слепень ухитрился не понять простейший вопрос.

Указав на заваленный металлом проспект, Рок пояснил:

— Ну это... Все это... Разве несерьезно?

— Это?! Да ну, смеешься, что ли! Это, братан, всего лишь бордель во время пожара. — Слепень ухватил Рока за руку, увлек за собой, с места набрал солидную скорость и сосредоточенно-обеспокоенным голосом добавил: — Если не успеем выбраться, тут начнется горящий бордель с пьяными матросами, а вот это, Незнайка, уже серьезно... охренительно серьезно.

Глава 5

Жизнь третья. Первая фаза

Слепень Року не приглянулся с первого взгляда, идти с ним ему тоже не понравилось. Во-первых, он чуть ли не волоком за собой тащил, заставляя шагать со скоростью, которую раскапризничавшееся колено считало неприемлемой, о чем непрерывно и крайне болезненно напоминало. Во-вторых, не очень-то заботился о безопасности, даже не попытался уйти в более спокойное место, например — в ближайший двор или хотя бы тихий переулок. А ведь бедлам на проспекте все еще продолжался, сместившись к перекресткам, через которые на безумной скорости пытались проскочить машины, двигавшиеся с направления, в котором располагался тот самый загадочно-непонятный стаб со зловещими оседлыми. Складывалось впечатление, что водителей оттуда гнала незримая сила, заставляющая напрочь позабыть об инстинкте самосохранения и заодно превращающая в тормознутых бестолочей, слишком медленно реагирующих на изменения дорожной обстановки. Ну или то, что их гнало, напрягало куда больше, чем риск разбиться вместе с автомобилем. Слепень не обращал ни малейшего внимания на близко проносившуюся смерть, его пренебрежение дошло до такой степени, что он погрозил кулаком трамваю, сошедшему с рельсов и несшемуся через забитый остановившимися транспортными средствами перекресток:

— Куда прешься, цифра тупая!

Трамвай не застопорили преграды из битых и чудом уцелевших автомобилей, снес их все под крики гибнущих людей и запертых в нем пассажиров, безумно таращившихся в окна. Так и погнал дальше под их хоровой вой и грохот стальных колес, разгромив напоследок стоявшую в заторе машину, из которой молодая женщина только-только вытащила раскладную коляску и уложила в нее ребенка. Она до того была увлечена своим делом, что слишком поздно заметила опасность, только и успела — оттолкнуть дитя.

Коляска вроде бы не пострадала и, потихоньку ускоряясь, поехала под уклон. Рок было дернулся в ее сторону, но Слепень схватил его за руку с поразительным проворством и грубо рявкнул:

— Ты куда это намылился?!

— Там ребенок! В коляске! — бестолково вырываясь из невероятно крепкого захвата, ответил Рок.

— Да уймись уже, спасатель хренов. — Тон Слепня стал поразительно равнодушным. — Некого тут спасать, кроме нас с тобой.

— Да отпусти ты, дебил отмороженный! Тебя что, не мать рожала?! Это же ребенок!

— Сказано — уймись, никакой это не ребенок, а мать его — не баба, а кукла мясная.

— Но...

— Никаких «но». Все, проехали, резко расслабься и слушай, что я говорю, не отвлекайся на этих манекенов. Все, кого ты вокруг видишь, — это не люди, это просто мясо. Обрати внимание, они какие-то не такие, у большинства из них несколько шаблонов. Вон старик, а вон еще один, у обоих одинаковые взгляды и походка, в одежде что-то общее, говорят они тоже похоже. Вон девка лет восемнадцати, вон дальше еще одна, видел, какие обе сочные? Страшных среди баб почти не бывает, Континент в красоте толк знает, у него вообще на

романтических делах бзик какой-то непонятный, слишком много правил, без бутылки в них хрен разберешься.

— Так это что?! Роботы?!

— Если разрезать, внутри ты найдешь то же самое, что и у нас, такую же требуху.

— Но ты сказал... я думал...

— А ты слушай, что я говорю, а не думай. Вон, сходи ту деваху уломай, взгляд у нее шальной, значит, штучка горячая. Ты даже не поймешь разницы с нормальной бабой, или даже лучше покажется, чем с иммунной, подмахивают такие шлюшки получше, чем языком мелют. Думаю, тот, кто грузил в них мозги, заодно и постельные дела напихать не забыл, уж больно ловкие они в этом. Мы всех их называем цифрами, если не полный дурак, сам поймешь почему. Даже присматриваться к коляске не нужно, забудь, младенцев среди игроков не бывает. Считай, что все это просто фигуры из картона, разговаривающие под копирку, не обращай на них внимания. От нулевых цифр толку нет, только вечные подставы, а помогать им — все равно что муравьев через дорогу переводить. Тупая биомасса, основной корм для Континента, как освоишься, будешь их влет вычислять, даже не прищуриваясь, они почти все ведут себя по-тупому и говорят одними словами, на всю ораву несколько вариантов разговора, скучно с такими. С игроками их только совсем уж печальные новички вроде тебя пугают.

— Игроки? Так это всего лишь игра?

— Это, Незнайка, не игра, это не пойми что. Но, если хочешь, называй игрой, так многие делают. Слушай, а может, я тебя и правда Незнайкой окрещу? Как оно тебе? Ничего так, оригинально получится.

— Ты о чем? — ответил Рок, стараясь не коситься в сторону разогнавшейся коляски, чудом ухитрившейся до сих пор не врезаться ни в одну из разбитых или остановившихся машин.

Несмотря на слова и поведение спутника, не мог смириться с тем, что рядом с ним мелкий ребенок попал в непростую ситуацию, а он при этом притворяется, будто ничего не происходит.

— Да ладно, забей. Рано тебя крестить, для начала хотя бы вывести надо, тут это делать нельзя, тут как бы место рождения, да и опыт перед крестинами придется разделить, правила на такой счет строгие. В общем, ты насчет Незнайки подумай, не так уж оно и плохо, не всем везет на хороших крестных, а тебе вот повезло так повезло. А чего хромаешь?

— Я вроде как бывший футболист, колено расквасил, все в шрамах, плохо работает. Каждый раз такое происходит: то одно колено никакое, то оба.

— Это дело временное, если, конечно, перестанешь помирать в первый же день. Ты вроде не совсем тупой, должен освоиться.

— Вряд ли это временно, разбито серьезно.

— Да забей ты на него уже — фигня полная.

— Я бы забил, вот только колено против этого. Болит, зараза, ни согнуть, ни разогнуть.

— А вот это, Незнайка, плохо, — напряженным голосом произнес Слепень через секунду после того, как где-то правее, в отдалении, густо загрохотали выстрелы.

Рок так и не понял, к чему относились эти слова — к его скверно работавшей ноге или к вспыхнувшей не так уж близко стрельбе.

А она между тем стремительно усиливалась, как по частоте, так и по шуму, работали десятки разнообразных стволов, и работали на совесть.

Слепень, даже не подумав сбавлять темп ходьбы, повернул голову в направлении источника настораживающих звуков и уточнил:

— Это ведь оттуда оседлые должны прискакать?

— Вроде да.

— Похоже, патроны не жалеют. Это кто там такие бодрые?

— Не знаю, но туда целая колонна ментов и не пойми кого ушла.

— Что, серьезно?

— Я ее встретил перед тем, как здесь машины начали друг дружкой в бильярд играть.

— Интересные дела, обычно цифры не очень-то расторопные, туго на такие дела собираются. Наверное, у них учения какие-то вовремя случились или что-то в этом роде, у кластеров самые разные сценарии бывают, вот и оказались наготове в правильный момент. Артиллерии у них не заметил?

— Не видел. Бронетранспортер был.

— С пушкой?

— Вроде вообще без оружия.

— Ну тогда, если оседлые серьезные, надолго этот салют не затянется.

Подтверждая его слова, стрельба начала затихать так же быстро, как и вспыхнула.

— Ну вот, — довольно осклабился Слепень. — Я же говорил — дистанция в ноль ушла, а на ней стволы уже ни разу не рулят, начинается время главного веселья. Сейчас еще маленько постреляют, и на этом спектакль закончится. Кстати, финал там будет грустным и тихим. Ну разве что одиночки иногда будут разряжать все, что у них осталось. Это я про тех, которые догадаются спрятаться, а не лезть вперед всех. Нулевые цифры нереально тупые, прячутся они хреново и не так уж часто. Да у них все через одно место делается, на то они и цифры. Слушай, Незнайка, а где вообще этот мост? Нам бы побыстрее к нему, нарываться неохота.

— Откуда мне знать, я тебе не городской справочник.

— Шагаешь туда, куда не знаешь?! Да ты кто тогда вообще?! Осел на двух копытах?!

— Направление знаю, а километраж не догадался у таксиста спросить.

— Ты на такси, что ли, ехал?

— Попробовал бы ты с моей ногой пешком походить.

— Рисковый парень. На будущее тебе бесплатный совет от Слепня: хоть на сломанных зубах ползи, но к цифрам в машины не садись. Видал, как нереально они чудят?

— Такое не заметить не получится.

— Ну да, согласен, даже слепой поймет, что дела его плохи. То, что ты сейчас видишь, называется первая фаза, на ней они еще не обращаются, но у некоторых в головах мозги закипают, плывут, оттого разные номера отмачивают: могут газом хату заполнить и закурить; могут тебе на макушку жену с восьмого этажа выбросить с ребенком вместе; могут и сами следом сигануть, лететь и посмеиваться во всю ширь ртов. В общем, держись подальше от тех мест, где неадекватный цифра может снять с тебя еще одну единичку.

— Что значит «обращаются»?

— А то и значит. Ты видишь этот город? Он только-только загрузился, но неадекватов уже хватает. Еще через сутки здесь нормальных цифр вообще не останется, только кучка ничего не соображающих и толпы голодных зомбаков повсюду.

— Зомбаков? Ты сказал — зомби?! — Рок недоверчиво-пренебрежительно ухмыльнулся.

— Чего скалишься, знаешь что-то, чего не знаю я? Вот только это вряд ли, вы, новички

нулевые, вечно тупите в самом простом. Да, братан, тут будут зомби, такие вот дела. Вообще-то мы их называем не так, да и не зомби они, все куда серьезнее, ну да какая нам с тобой разница, пускай будут зомби. На второй фазе почти все, кого ты сейчас видишь, станут медленными, тупыми и жадными до человечины, если, конечно, доживут. Причем медленными они будут только поначалу, до третьей фазы. Но ты не думай, что сейчас тебе нужно бояться только шизиков на машинах. Слышишь стрельбу?

— Нет, конечно, я ведь глухой как пень.

— Ха-ха, шутник. Перезагружившийся город — это сладкий леденец на тонкой палочке, и ты станешь вкусным орешком в этом леденце, если вовремя не свалишь. Знаешь ведь, чем заканчивают леденцы на палочках? Ну ты понял, о чем я. Тут до того доходит, что даже пятидесятых уровней выносят так, что те и «мама» сказать не успевают, а ты полный ноль, ты всего лишь Незнайка, на тебя дунуть, и все — сразу минус жизнь оформляется, никакой волокиты. А жизни терять — это хреновое занятие, об этом тебя не просто так при каждой загрузке предупреждают.

— Слепень, давай меньше текста, лучше скажи: как отсюда выйти?

Рок сформулировал волнующий его вопрос слишком поспешно, непродуманно, но, похоже, собеседник все понял правильно, отреагировав неожиданно бурно — остановился, рассмеялся искренне, по-детски, чуть присев, хлопнул себя по бедрам:

— Ну я не могу! Ну Незнайка, ну конь смешной, ну ты меня уморил! Я уж начал думать, что ты не такой, как остальные нулевки!

— Ты о чем?

— Да о самом любимом вопросе всех желторотиков. Вы все такие смешные и всегда одинаковые. Я, конечно, и сам первым делом об этом справки наводить начал, но все равно на ржач пробивает, когда смотрю на ваши изумленные физиономии и слышу писк на тему выхода из этой жопы.

— Я так понимаю, с ответом на мой вопрос что-то не так?

Слепень, вновь сорвавшись с места и привычно грубо увлекая Рока за собой, подтвердил:

— Ну да, я так думаю, что все охренительно сложно, раз никто до сих пор не может на этот вопрос ответить.

— Хочешь сказать, что отсюда не выйти?

— Не знаю. Никто не знает. А если знает, помалкивает. Только не надо спрашивать меня — «как играть», «какой в этом философский смысл» и всякую чепуху в таком духе. Я тут просто выживаю, как могу, а объяснять, что и как устроено, не мастак. Вот доберешься до стаба, потрешься с разговорчивым народом, может, брошюрку умную прочитаешь, там и понимать маленько начнешь. Тут все запутано, с ходу въехать в ситуацию не получится, некоторые делишки придется на своей шкуре отработать, без такого опыта будешь моргать как баран на самые смешные вещи. Слышишь, уже почти не стреляют, отвоевались здешние цифры.

Стихшая стрельба Рока сейчас волновала меньше всего, он завел речь о другом:

— А зачем вообще в стаб идти? Он в другой стороне, да и, как я понял, эти оседлые не очень-то положительные ребята, от них полагается подальше держаться.

— Тут ты в самую точку угодил, они все до одного плохие, исключений никогда не бывает. Вот только стаб стабу рознь, я сейчас о другом говорил. Этот просто местный и, наверное, мелкий, я так понял — просто отстойник, куда оседлые от загрузки к загрузке на

часок сваливают, чтобы кисляк переждать. А почему тебе те ребята ничего не растолковали?

— Какие?

— Те, которые вроде меня. Ты о них говорил, что крутые, мол, надоумили к мосту выдвигаться, а не ждать, пока тебя на мясо определяют.

— Они на недостроенную высотку хотели забраться, сказали, что мне туда нельзя — их бугор чужих не одобряет. Спешили сильно, мало что успел узнать.

— Охотнички, наверное, кому, как не им, по крышам лазить. Вечно занятые и, как по мне, — те еще психи. В таких местах охотиться — это значит без конца и края нарываться на проблемы.

— Ты тоже нарвался.

— Когда?

— Я так понял, что ты тут появился после смерти. Насильственной.

— А, ну да, верно. А быстро ты схватываешь. Говоришь, удачу до двух качнул?

— Разве мало?

— Да это вообще ни о чем, считай, что только за дело взялся.

— Мне это качание не нравится.

— Тут тебе не бабушкина деревня, у нас так не говорят, выражайся правильно — кач. Но в остальном верно, это никому не нравится, разве что извращенцам каким-нибудь. С интерфейсом разобраться сумел?

— С чем?

— Значит, не сумел, это обычное дело у таких, как ты. Эх, жаль, пустой я. Брошюрки у нас тискают для новичков, очень даже удобная штука. Дашь нулевому, и за это сразу чуток на гуманность капают — дескать, здорово выручил начинающего бродягу, Континент это одобряет. Халява считай, я всегда штуки три-четыре таскаю, но в этот раз, сам понимаешь, никак. Да где уже этот конченный мост? За это время до луны можно было успеть дошагать. Незнайка, ты не мог бы шевелиться побыстрее?!

— Да я только за, но у моей ноги другое мнение. Колено... мать его.

— Совсем пахать не хочет?

— Все хуже и хуже. На лестнице чуток подвернул, и пошло-поехало, мне кажется, оно рассыпаться начало.

— Бракованный ты экземпляр, таким обычно чем-то компенсируют, но это всегда сюрприз. Тебе бы сейчас живчика глотка два, а лучше больше. У меня маленько есть во фляжке мелкой, в привязанной ячейке таскаю на такие случаи, но это неприкосновенный запас, мало ли, воскрешалки у меня только городские открыты, а город — это тебе не сахар, лучше поберегу. Хотя... Да ты только посмотри! Туда посмотри! Да смотри же ты, олух! Видишь?!

— Дома и деревья вижу, ты об этом?

— Да какие, в пень, дома?! Ты вон туда смотри! Туда! Теперь видишь?! Бегут, твари шерстяные!

— Ты о котах, что ли? И что тут такого?

— Незнайка, коты пошли! Коты — это наше все! Это значит, что мертвяки уже близко! Ах вы, котики, бегите-бегите, пока от вас один пух не остался, они вас быстро оформят. О! А это видишь?!

— Еще один кот побежал. У них тут прямо март-месяц.

— Какой, в задницу, кот?! А, ну да, тебе такое не увидеть. У нас тут особо дерзкий

оседлый мчится к родному переулку, остальных обогнав. Фортуна, Незнайка, сейчас ты маму звать начнешь, когда его увидишь, а уж штаны прямо сейчас стаскивать начинай, потом благодарить будешь за такой совет. За мной в темпе, не отставай, охотиться будем. На мост еще успеем, спораны нам сейчас куда важнее. Это кто же у нас такой шустрый, дай только глянуть на тебя нормальным взглядом, чуйка рисовать не умеет...

Все это Слепень орал уже на бегу, оставив хромающего спутника, он понесся на другую сторону проспекта, где зеленел небольшой, густо заросший сквер. У Рока мелькнула мысль махнуть рукой на этого ненормального, идти дальше в одиночестве, уж очень сильно колену не хотелось ускоряться, оно и в таком темпе нагрузку едва держало, через страдания и слезы. Но как можно потерять единственный источник информации? Пусть он и мало ее выдает, но где найти альтернативу?

Опыт и некоторые намеки подсказывали, что попытки разобраться в происходящем самостоятельно будут приводить к повторяющимся плачевным результатам.

Болезненным.

В общем, Рок оставил всякие сомнения и припустил со всей возможной скоростью, закусив губу и пытаясь себе внушить, что колено не болит, а просто чешется, что нога гнется прекрасно и что он хоть сейчас готов выступить на легкоатлетических состязаниях.

Внушалось плохо, но он продолжал стараться.

Слепень тем временем оторвался метров на пятьдесят и бежал быстро, придерживаясь широкой аллеи, разделенной посередине узкой полосой газона, кое-где украшенного цветами и декоративными кустарниками. Только то, что он не сворачивал на тенистые тропинки, позволяло удерживать его на виду.

Резко остановившись, Слепень заорал:

— Незнайка! Хана твоим штанам! Сейчас ты такое увидишь, что!.. Эй! Урод одноглазый, я здесь! Давай! Давай ко мне! Команда была — ко мне! Мой ты умница, мой ты хороший!

Да он что, собаку зовет? Или, может, кота? Решил с животинкой понынчиться? Окончательно на ум забил?

Рок, догоняя, собирался высказать ему все, что думает по этому поводу.

Перейдя с неловкого бега на шаг, он, тяжело припадая на стреляющую вспышками боли проблемную ногу, продолжал путь в прежнем направлении. Снижение скорости снизило и степень его концентрации исключительно на спине Слепня, Рок начал больше внимания уделять округе, пытаясь в том числе разглядеть шелудивого пса или блохастого кота — мохнатого виновника, из-за которого сверх всякой меры напряг колено.

Это оказался не пес.

И не кот.

Рок заподозрил неладное, еще не разглядев виновника изменения маршрута — через кусты ломилось что-то нешуточное, габаритами никак не меньше человека, причем взрослого и не обделенного комплекцией. Затрепетали, сдаваясь, последние ветки, на аллею выскочил...

Выскочило...

Ситуация из настолько абсурдных, что неизвестно, как это вообще можно назвать. Что можно сказать? А то, что это оказался не человек, пусть даже телосложение один к одному: руки и ноги на месте, прямоходящий и по пять пальцев на руках.

В остальном имелись нюансы.

Очень уж большой, возможно, за два с четвертью метра ростом, и это при том, что

сильно сутулится, выдвинув ненормально развитые плечи вперед и слегка их склонив, из-за чего чрезмерно длинные руки болтаются чуть ли не на уровне колен на небольшом расстоянии от тела.

То есть должны были болтаться в расслабленном положении, потому как в данный момент они были напряжены, скрючены, нацелены на Слепня массивными когтями длиной со спичечный коробок. Деформированная голова будто перетекла в область челюстей, заставив их раздуться, из-за чего образовалась пасть — всем пасть. Один укус такой «хлеборезкой» обеспечил бы любого обжору и завтраком, и обедом, и ужином, частоколы сплошных клыков недвусмысленно указывали, что тягой к вегетарианству это существо не страдает.

И вообще, мирным оно ни разу не выглядит.

Ну что еще можно сказать? Кожа морщинистая, нездорово-желтоватая; растительность заметна лишь на макушке, но и там ее чуть-чуть — несколько свалывшихся клочков; узкие глаза окружены выступающими дугами, по виду костяными; бляшки из той же кости местами усеивают голову и раздувшуюся до богатырского состояния грудь, на которой — вот уж сюрреализм! — просматриваются искаженные изображения христианских культовых сооружений (те самые купола, которые в незатейливых песнях определенного жанра якобы золотые, но на самом деле синие).

Да ведь это же и правда татуировки.

Только очень уж странно выглядят на такой образине и к тому же сильно исказились, будто их перенесли с совершенно другой фигуры, не отличающейся столь впечатляющей комплекцией.

Только сейчас до Рока дошло, почему Слепень первым делом призвал беречь штаны. Тут все предельно просто — при виде такой твари они просто обязаны пострадать в первую очередь. И дело здесь не в жутких когтях, клыках и прочих устрашающих элементах. В этом монстре просматривалось слишком много человеческого, а каждый создатель очередного мира ужасов в книге или в фильме прекрасно знает, что больше всего почему-то пугает то, что похоже на нас, но при этом откровенно чудовищно.

Да и на съемках можно сэкономить — старый добрый грим обходится куда дешевле навороченных спецэффектов.

Слепень, вместо того чтобы заорать от ужаса, сидя на глазах, деловито махал рукой, бесстрашно подманивая страшилище к себе:

— Ну давай, дорогой! Давай! Подходи, не нужно так стесняться! Незнайка, вот же фарт попер! Сейчас при спорах будем, этот урод далеко от своих вырвался, за это мы его накажем! Со старта спорами разжиться — хорошая примета!

Мы?! Ну уж нет, такие дурно пахнущие вопросы пускай решает без участия Рока, шансы наказать чудище голыми руками откровенно отрицательные. Да что не так с этим мужиком? Он вроде не выглядит на всю голову ушибленным, так какого черта его понесло выяснять отношения с непонятно чем?

Псих ненормальный...

Чудище утробно заурчало, стремительно разгоняясь. При этом урчание временами переходило в клекот, заставив Рока похолодеть — он вспомнил звуки, которыми сопровождалась его первая смерть. Те, которые услышал сейчас, очень похожие, но не настолько жуткие, будто это младший брат того существа, которое добралось до выпавшего из окна тела, перед этим подав голос в коридоре общаги.

Что?! Всего лишь младший брат?! Не хочется даже думать, как выглядит старший...

Не добежав десятка метров, разогнавшееся чудище взмыло в воздух, ловко вытягиваясь в полете. Еще миг — и оно снесет безрассудного человека с ног, сомнет, покатится вместе с ним по асфальту, давя всем телом, разрывая когтями, терзая клыками.

Слепень, не сходя с места, вскинул руку. С его выставленной ладони сорвалось что-то неуловимо-стремительное, будто сгусток марева, колышущегося над разогретой солнцем землей. Разглядеть столь призрачный объект было до того непросто, что Рок не увидел, как это нечто попало в чудище, но результат не прошел мимо его внимания.

Больше всего это походило на то, будто к месту событий подоспел великан-невидимка с теннисной ракеткой, которая весит не меньше тонны. Ее размашистым ударом он и встретил летящее тело.

С предсказуемым результатом.

Чудище отлетело назад куда быстрее, чем направлялось вперед. Его стремительно смело, жестоко отбросило метров на пятнадцать, заставило покатиться по асфальту, шлепая по нему болтающимися руками и ногами — выглядело это так, будто из них все кости удалили, расслабило до последней степени расслабления, что говорило о крайней силе принятого удара.

Оглушило, должно быть, конкретно.

Но нет, монстр, остановившись, начал подниматься с неловкостью изрядно перебравшего пьяницы, и по его роже было заметно, что весь боевой запал бесследно улетучился. А когда увидел, что к нему, небрежно насвистывая незатейливый мотивчик, приближается Слепень, развернулся и неловко потрусил прочь по аллее.

— А ну стой! Стоять, тебе сказано! Не, ну, Незнайка, ты это видел?! Только что такой смелый был, и вдруг на тебе, даже «до свидания» не сказал! Во невежливый какой! Стоять говорю, не то хуже будет!

Но чудище, видимо, имело основания предполагать, что хуже будет как раз в том случае, если оно позволит Слепню подойти, и потому, хромя на обе лапы, поступило наоборот — начало ускоряться.

— Блин! Незнайка! Догоняй! Быстрее догоняй! Обязательно его догони! Стукни! Врежь гаду! Кинь хотя бы камнем! Может, чуток за это тебе капнет, опыта для новичка тут прорва, от нуля уйдешь, тогда и окрещу, как выберемся! Давай-давай, не отставай! Опыт разделить надо! Обязательно надо! Не теряй нас, я за ним! Пати лови! Прими пати! Да шевелись ты уже! Да что ты за баран?! Ну и хрен с тобой! Догонишь — твое счастье, а нет, так извиняй, я тебе в няньки не нанимался!

С этими словами Слепень тоже начал ускоряться, аллея превратилась в беговую дорожку с парой участников, причем вырвавшийся вперед, даже дико хромя, ухитрялся поддерживать приличную скорость. Невозможно сказать, кто же победит в этом сюрреалистичном забеге.

Одно можно заявить точно — не Рок. Если этот сумасшедший и одновременно невозможный Слепень будет и дальше преследовать не добытого его фокусами монстра, он, все сильнее и сильнее припадая на отказывающееся колено, очень быстро потеряет обоих из виду.

Глава 6

Жизнь третья. Живущий на крыше

Неизвестно, догнал бы Рок Слепня или нет, если бы все оставалось без изменений: хромоногий монстр, то и дело теряя равновесие и припадая на передние лапы, бежит впереди; злобно покрикивающий на него преследователь отстает метров на сорок — пятьдесят; ну а дальше печально хромает последний участник событий, и хотя пытается изобразить стремительное движение, разрыв увеличивается с каждой секундой — лидеры гонки слишком уж сильно его превосходят.

В какой-то момент разрыв увеличился настолько, что Рок потерял обоих из виду. Это произошло среди квартала, застроенного пятиэтажками, с видимостью в нем дела обстояли плохо. Предположив, что надо и дальше придерживаться выбранного покалеченным чудовищем курса, направился через стоянку, и это, возможно, спасло его от очередного посещения студенческого общежития — успел присесть за удачно подвернувшимся автомобилем в тот миг, когда впереди, невдалеке, через дворовую спортплощадку пронесся еще один монстр. Даже пострашнее первого: размеры солиднее, совсем уж уродливо-корявый, местами даже угловатый, вместо костяных бляшек на тех же участках располагаются уродливые многоугольные щитки, да и на макушке их хватает, причем волос не наблюдается вообще. Тело уродливо выгнулось, ноги нелепо вывернутые, тварь бежала, суетливо подпрыгивая и звонко цокая.

У нее что, подковы на ступнях?

Рок, проникшись зрелищем, не стал торопиться выбираться из укрытия, а, наоборот, залег за машиной, вгиснулся под нее, благо клиренс позволял. Не слишком удобная позиция для наблюдения, зато как укрытие — нормально. Такая тактика оправдала себя чуть ли не через секунду — по той же площадке пронеслось еще одно цокающее чудовище, а за ним другое, поскромнее и потише. Судить об их облике и размерах получалось лишь по ногам, все остальное в поле зрения не попадало. Разве что попробовать подобраться поближе к краю, но это означает рисковать, попав монстрам на глаза, а он был уверен, что никакое зрелище не заслуживает такой подставы.

Он ведь не Слепень с его нереальной чертовщиной, своей выставленной пустой ладонью Рок разве что насмешить сможет.

Несколько минут ничего не происходило, уже было собрался выбираться, как вдруг неподалеку, в той стороне, куда помчалась тройка чудовищ, торопливо затрещали выстрелы, вроде бы пистолетные.

Это будто сигналом послужило, Рок вскоре со счета сбился, настолько много разных монстров промчалось в направлении пальбы.

И, странное дело, вместе с ними нередко пробегали люди, ведь никому другому такие ноги принадлежать не могли.

Вот только с этими людьми дела такие же непростые, как и со всем остальным.

Начать с того, что все замеченные ноги были грязными, а некоторые еще и голыми, даже трусов не наблюдалось (не ради наслаждения эротическим зрелищем, а лишь для того, чтобы в этом убедиться, Рок рискнул чуть-чуть сдвинуться в сторону «тропы чудовищ»). Мужчины и женщины, худые и толстые, как явно старые, так и совсем молодые, некоторые совсем уж

подросткового возраста.

По одним лишь ногам, разумеется, не так уж много можно определить, но Рок, перевидав их не меньше трех десятков, обратил внимание, что выглядевшие старыми, возможно, принадлежали далеко не старикам. Просто кожа на некоторых приобрела нездоровый оттенок и чуть сморщилась, будто пораженная какой-то крайне несимпатичной болячкой.

Сложить два плюс два не составило труда. Обрывочные сведения, полученные от Слепня, покалеченное им чудище, на груди которого синели искаженные татуировки, а теперь странные люди — быстрые, грязные, с неприглядно меняющейся кожей.

Похоже, Рок наблюдает разные стадии процесса, при котором обычные горожане, безликая массовка, или, как их называл Слепень, — цифры, преобразуются из рядовых зомби в нечто куда более опасное. Он ведь так и говорил, что надолго они медленными не остаются, жаль, не пояснил, что с ними происходит потом. Третья фаза вроде, но чем она отличается от последующих — загадка.

А Рок какую наблюдает? Что творится в городе? Он до сих пор на первой?

Ответить мог бы Слепень, но он убежал куда-то вперед, туда Року дорога закрыта, он ни за что не станет перебираться через местность, где то и дело носятся монстры. В случае чего даже убежать не сможет, нога ни на что не годится.

Да и, если вспомнить чудище, за которым увязался его спутник, до определенного момента оно демонстрировало столь завидную прыть, что даже со здоровым коленом от такого рекордсмена далеко уйти не получится.

Лежать под машиной, слушая, как там и сям кто-то стреляет, бьются машины, что-то взрывается, истошно орут люди и урчат монстры, — не то занятие, о котором Рок мечтал всю жизнь. Отсюда надо уносить ноги, но вот куда? Как намеревался изначально — за мост? Но где он? Ни доехать, ни дойти до него не получилось, как ни вглядывался вдоль проспекта, так и не разглядел реку. С равным успехом до цели может оставаться два километра или десять, причем даже первая цифра сильно не нравится.

Мало того что пробираться придется по местности, кишасей чудовищами, колено беспокоит все больше и больше, у Рока уже руки зудят перевязать его хоть чем-нибудь, зафиксировать, чтобы вообще не сгибалось. Чуть не так шевельнешься, и болеть до слез начинает.

Что это за садистская игра со столь негативными ощущениями? То вынуждают в окно сигать и кости ломают, то сжигают заживо, то старыми травмами мучают. Рок всегда полагал, что подобные развлечения должны приносить исключительно позитивные эмоции — это ведь логично и коммерчески оправданно.

Впрочем, чего еще можно ожидать от игрушки, в которой даже кнопка «Выход» отсутствует.

Если и пробираться к мосту, то не сейчас. Не исключено, что ночью монстры видят не так хорошо, как при дневном свете, или обстановка может измениться в лучшую сторону. Вон то и дело в отдалении вспыхивают перестрелки, глядишь, и сюда спасатели или кто-то вроде них подоспеют. А до этого момента надо как-то дотянуть, причем машина не кажется надежным местом — достаточно пригнуться, чтобы рассмотреть Рока во всей красе.

А если издали посмотреть, и пригибаться не придется.

И куда же ему, загнанному в угол, податься?

Рок перестал все внимание уделять исключительно спортплощадке, превращенной в

тропу монстров. Теперь его куда больше интересовали другие направления, благоприятные для того, кто подыскивает надежное убежище на ближайшие часы.

По поводу надежности найденного убежища у Рока имелись веские сомнения, но так уж получилось, что ничего получше в ближайших окрестностях не наблюдалось, а исследовать дальние перешагивалось. После того как он стал свидетелем крайне неприятного события. На бегущего куда-то пожилого мужчину напала тварь, очень похожая на ту, за которой умчался Слепень. Догнала его играючи, взмахнула лапой, разнеся часть головы, набросилась уже на упавшего, грубо подмяла агонизирующее тело и, жадно урча, начала рвать шею клыками, торопливо давясь кровоточащим мясом.

В общем, отбросил планы поискать варианты получше — интуиция подсказала, что надо хвататься за доступные, пока под машину не заглянул кто-нибудь большой, страшный и голодный.

Рок выбрал подъезд, причем оставаться в нем не стал. Нет, стучать в двери, моля о помощи, — занятие не для него, просто поднялся на верхнюю площадку, а оттуда забрался на крышу, благо замок оказался лишь декоративным украшением.

Крыша — хорошо просматриваемое место, но на ней имеются укрытия: бортики по всему периметру и выходы системы вентиляции. Бортики прекрасно могут прикрыть человека с трех сторон, а вот с четвертой, обращенной к проспекту, — нет. Если в этом и соседнем квартале здания одной высоты, то там возвышалось два строения попроще, с их верхних этажей могут заметить, что кто-то решил поиграть в Карлсона.

Так что Рок засел за выходом вентиляции, не рискуя высовываться, и почти всю информацию о происходящем вокруг получал при помощи ушей. Этого вполне хватало, чтобы понимать большую часть.

То и дело стреляли в самых разных направлениях, как скромно — по одному или два раза, так и всерьез, торопливо и безжалостно расходуя патроны, растягивая это дело на десятки секунд или минуты. Крики тоже не смолкали; слыша их, он невольно вспоминал момент, когда тварь догнала пожилого мужчину. Похоже, подобное происходит снова и снова, повсеместно и массово, если не по всему городу, то по этому району — точно. Также продолжали с грохотом биться машины, они визжали тормозами и гудели двигателями с такой интенсивностью, что нет ни малейших сомнений — водители от души вдавливали педали газа в пол. Временами где-то гремели взрывы, пару раз после этого в поле зрения поднялись дымные столбы. И они были не одиноки, что-то серьезно полыхало в десятках мест, особенно сильно напрягала черная туча, взметнувшаяся не так уж далеко на западе. Шума при этом не было, но ее масштабы поражали и заставляли подозревать обширный пожар на опасном химическом производстве или чем-то в этом роде.

Если ветер переменится и эта зараза, не желающая уходить в небеса, поползет в сторону Рока, приятного будет мало.

Где-то за полдень он начал костерить себя нехорошими словами — на солнцепеке навалилась лютая жажда, а утолить ее, естественно, нечем. Мысль спуститься в подъезд отбросил — ему сейчас нужна вода, а не опасные приключения, которые Рок рискует там обнаружить с высокой степенью вероятности. Звон то и дело бьющегося стекла в сочетании с отчаянными криками людей и довольным урчанием тварей подсказывал, что квартиры — не настолько уж надежные укрытия, как он предполагал изначально.

Солнце, перевалив через зенит, начало с раздражающей неспешностью приближаться к горизонту. При этом его лучи выжигали убежище Рока, а он при этом не торопился никуда

перебраться, потому что в таком случае его смогут разглядеть из домов, которые возвышаются возле проспекта.

К тому же страха прибавлял шум прямо под ним. В подъезде кто-то кричал, то с одной, то с другой стороны разбивались стекла, однажды громыхнул выстрел.

А уж как урчали на разные лады — хоть уши затыкай.

Когда разгром в подъезде затих, Рок ничуть не успокоился, подозревая, что твари на этом не остановятся и примутся за планомерный обыск дома. Дошло до того, что он принял решение в случае обнаружения сигануть головой вниз на асфальт. Старый пятиэтажный дом не очень-то высок, но понадеялся, что этого окажется достаточно для легкой смерти.

Ждать, когда его основательно изжуют, не хотелось, а как защищаться от таких образин, если нет ничего, кроме голых рук, — он не представлял.

А ведь та парочка дважды посоветовала вооружиться хоть чем-нибудь.

Знали ведь, все знали, но ничего не объяснили.

Гады позорные.

Да ладно бы только оружие, ведь Рок вообще пуст, проклятое колено перевязать нечем, как беспечный ротозей себя повел, даже воду прихватить не догадался. Если вспомнить, сколько торговых точек видел, как поблизости, так и возле общежития...

Ну вот что ему стоило купить хотя бы одну бутылку?

Тупой недотепа, правильно Слепень насмеялся — Року еще умирать и умирать, качая удачу до того момента, когда начнет хоть что-нибудь соображать.

Глава 7

Жизнь третья. Город чудовищ

Крышу Рок рискнул покинуть только в сумерках. К этому моменту жажда достигла столь серьезной величины, что он даже о колене думать забыл, и более того — смерть в пасти чудовища уже не казалась такой уж нежелательной.

В подъезд, естественно, спускался с немалой опаской. Здесь нехорошо пахло, а под ногами то и дело хрустело непонятно откуда нападавшее стекло. Видимой картины нет, но и сомнений в том, что здесь тот еще разгром учинили, тоже нет.

Несмотря на полумрак, Рок разглядел выбитую дверь на площадке пятого этажа. Металлическая, солидная, ее вывернули с мясом, разворотив проем, и почему-то казалось, что неведомые вандалы проделали это быстро и с легкостью.

Не верится, что здесь прибегли к помощи средневекового тарана, тут и места-то нет подобными штуковинами работать. А вот туша весом килограмм на пятьсот — семьсот, быстрая и сильная, запросто могла управиться.

Остается надеяться, что владелец туши к этому моменту подъезд покинул.

Прежде чем спуститься, Рок решил обыскать квартиру на предмет попить воды. Непросто было этим заниматься в сгущающемся сумраке, местами пришлось действовать исключительно на ощупь, сильно мечтая найти фонарь или хотя бы спички. Но, может, оно и к лучшему, что без них, не хватало еще выдать себя светом в окнах.

Удивительно, но вода обнаружилась — кран на кухне выдал тонкую струйку. Лишь холодная, и качество сомнительное, но Рок был в том состоянии, когда из унитаза лакать согласен.

Утолив жажду, спустился вниз, по пути ступая по стеклу и чему-то твердому, иногда характерно хрустящему. Возможно, под ноги подворачивались человеческие кости, не было ни малейшего желания в этом убеждаться наверняка.

Улица встретила тьмой, лишь в той стороне, где днем нещадно дымило, небеса озарялись багровым заревом. Где-то поблизости и вдалеке временами постреливали, кричали от боли и страха, плотоядно урчали и ревели моторами, причем звуки эти слышались совершенно иначе, чем на высоте крыши. Рок около минуты просидел в кустах у подъезда, прежде чем решился выбраться. С направлением движения вопросов не возникло, ведь пока что он знал всего одно — вниз по проспекту, к вожделенному мосту (который располагается неизвестно где).

Нет, по проспекту, разумеется, Рок идти не стал. Слишком уж он широкий, лишенный укрытий, прекрасно просматривается с двух сторон. К тому же именно на нем шумело чаще всего. Так что двигался дворами, параллельно, благо чем дальше, тем сильнее ощущался уклон к протекающей где-то неподалеку реке. Даже если выйти в стороне от нужного места, найти его будет нетрудно, ведь берег — лучший ориентир.

До воды Рок, к великому сожалению, не добрался. Очень может быть, что идти оставалось всего ничего, он уже чувствовал характерный запах озера или реки, нос у него не самосвалом отдавленный, работает без ошибок.

Увы, о надвигающихся проблемах обоняние не предупредило. Как и уши, которым Рок во мраке доверял больше, чем зрению, — они не раз уведомяли его о близкой угрозе, заставляя

замереть за первым попавшимся укрытием, пропуская всяких разных: цокающих, грубо топающих, мягко шлепающих и самых неприятных — передвигающихся абсолютно бесшумно, выдающих себя лишь сгущающимися там и сям пятнышками мрака.

Самые серьезные хищники вышли на охоту — вот кто это.

Машина появилась внезапно. Нет, Рок слышал рев двигателя заранее, но был уверен, что вскоре он затихнет, удаляясь, или смолкнет резко, после звонкого удара, выстрелов, визга тормозов и нечеловеческого рева — самые разные варианты случались, успел послушаться. При таких делах нужно на бронетехнике кататься, гражданский транспорт монстров не смущает.

Эта машина вынеслась со стороны проспекта на узкую улочку, где Рок, засев за разбитым об угол дома автомобилем, алчно поглядывал на другую сторону, изучая подсвеченный заревом далекого исполинского пожара магазинчик. Очень уж хотелось обзавестись запасом воды, да и перекусить чем-нибудь не помешает — после утоления жажды желудок начал настойчиво напоминать о своем существовании. То, что дверь закрыта и продавцов не видеть, его нисколько не смущало, ведь, судя по всему, товарно-денежные отношения в этом городе решительно упразднены, платить не обязательно, бери, что хочешь.

Если до тебя раньше не доберутся.

Размышления на тему перспектив мародерства прервал визг тормозов — на улочку, резко разворачиваясь, влетела машина, и одновременно с ее крыши загрохотал пулемет. При свете его вспышек Рок разглядел, что транспорт знаком — очень похож на «буханку», которую он видел возле новостройки, где повстречался со странной парочкой. Те же стальные пластины, та же сетка-рабица по всем стеклам. Оружия наверху в тот раз вроде не наблюдалось, но, возможно, оно было укрыто от посторонних глаз.

Вслед за машиной на улочку ворвалось нечто. Рок не видел подробности, увы, вспышки пулеметных очередей освещали местность лишь в крайне ограниченном радиусе. Просто какая-то огромная темная масса, для таких габаритов неправдоподобно быстрая, ловкая, шумная, несомненно, смертоносная. Несмотря на то что огонь велся на дистанции метров сорок — пятьдесят, что даже для неопытного стрелка — ерунда, неведомая тварь мчалась за уазиком, не замедляясь ни на миг. Нет ни малейших сомнений, что машину вот-вот догонят, это дело нескольких секунд, слишком медленно она движется в сравнении с чудовищем. Водитель, похоже, совершил фатальную ошибку, излишне сбавив скорость, резко притормозив на крутом повороте. Да, это позволило сохранить управляемость, но с такой динамикой разогнаться ему уже не успеть.

И вдруг позади «буханки», перед перекрестком, ярко полыхнуло, из эпицентра вспышки вылетело что-то поразительно-быстрое, похожее на здоровенный трассер. Это нечто с неотвратимостью карающей молнии догнало монстра, после чего озарило всю улицу, а по ушам ударил грохот взрыва. На миг стало так светло, что Рок наконец разглядел тварь в подробностях и вынужден был признать, что мог бы спокойно обойтись без такого жизненного опыта.

Настолько страшная образаина, что готов еще раз память потерять, чтобы ее позабыть.

И эта образаина сейчас заваливалась, пораженная из чего-то очень приличного. Сопоставив все, что увидел, Рок предположил, что торможение уазика было продуманным — скрывшись от взглядов преследователя за углом, он сбавил скорость и высадил отороженного парня с солидным гранатометом. Чудовище, преследуя машину, в азарте погони это не осознало и получило неприятный сюрприз в спину.

«Буханка» начала притормаживать, пулемет на ее крыше затих, зато вспыхнул мощный фонарь, осветив рухнувшую тушу. Должно быть, намереваются подобрать смельчака, управившегося с монстром, рядом с которым машина вообще не смотрелась — габариты чудовища зашкаливали, будто слона-переростка скрестили с носорогом, после чего жестоко переделали в совсем уж невообразимого уroda.

Тварь, словив гранату, очень может быть противотанковую, пролежала всего-то секунды две — не больше, после чего начала неспешно и зловеще уверенно подниматься, многообещающе при этом заурчав. Рок был уверен, что она сейчас бросится на машину, ведь той теперь не скрыться, узик с его печальной динамикой разгоняется в час по чайной ложке, все равно что стоячего догонят. Но чудище решило соригинальничать и, резко развернувшись, бросилось назад.

Очевидно, обида на выстрел в спину затмила все прочее.

Вновь загрохотал пулемет на крыше машины, но тварь, не обращая внимания на пули, стучащие по ней и даже, если глаза Рока не обманывают, высекавшие искры, рванула назад. Фонарь светил не так уж и хорошо, в пляске теней он мало что позволил разглядеть, да и слишком быстро все случилось. Вот кто-то метнулся, пытаясь скрыться за домом, вот его догоняют, вот раздается крик, в воздух взмывает скорченное человеческое тело и, пролетев не меньше полутора десятков метров, катится по асфальту, то и дело позвякивая по нему чем-то металлическим.

А монстр, остановившись, протяжно заурчал и нездорово медленно, тяжело переваливаясь с боку на бок, направился к лежащему телу.

Люди в машине осознали, что они вот-вот получают свою порцию боли. Взревел двигатель, пулемет напоследок выдал длинную очередь, фонарь погас, узик нырнул во дворы, где тут же опять затрещали выстрелы — на кого-то там нарвались.

Но Рок в ту сторону даже не косился, все его внимание было приковано к человеку и чудовищу. Монстр приближался как-то слишком уж неуверенно. Он то и дело останавливался и, казалось, пытался заглянуть себе за спину, затем начал припадать на передние лапы, хотя до этого передвигался исключительно на задних. Добравшись до тела, громко заурчал и, присев, отвесил обидчику такой шлепок, что тот отлетел еще на десяток метров, почти докатившись до укрытия Рока.

Вот это совсем никуда не годится, не хватало еще, чтобы чудовище его заметило.

Но нет, монстр, похоже, в этот удар вложил последние силы. Гранатомет это был или что-то другое, но отоварило его конкретно, потрепыхавшись в горячке, он начал резко сдавать. Скособочившись, попытался встать, но завалился на бок, потом на живот, начал шумно скрести огромными когтями по асфальту, будто ползет, но при этом остается на месте.

А затем все стихло — чудовище не издавало ни единого звука, даже урчать перестало.

К сожалению, после того как машина уехала, здесь стало настолько же темно, как прежде. Наблюдая за последними событиями, Рок их временами скорее угадывал, чем видел, поэтому уверенности в том, что монстр утомился окончательно, не было. Вдруг он просто прилег отдохнуть на пять минут и прямо сейчас косится в сторону его убежища?

В общем, выбираться он не торопился.

— Эй... парень... — голосом, переполненным страданием, прохрипели со стороны валяющегося грязной кучей человеческого тела.

Рок ушам своим не поверил — вот как после таких приключений можно разговаривать?!

Это ведь просто кусок мясного фарша, перемешанного с тряпьем, ничего другого там остаться не могло, слишком чудовищна сила ударов, да и про когти кинжальных размеров не следует забывать.

— Парень... я знаю... ты там... — продолжили тем же страдальческим голосом.

Мать честная, ведь это ни хрена не мерещится — пропитанный кровью фарш и правда решил пообщаться.

— Ты это... подойди... Поближе подойди... Сказать надо... тебе сказать... пожалуйста... иди... надо важное сказать...

Нервно сглотнув и бестолково подумывая умчаться во тьму со всех ног, Рок выпрямился и направился к говорящему мертвецу, будто кролик, загипнотизированный зверски голодным удавом. Отказать этому голосу он не мог, и это при том, что ноги сами рвались свалить куда-нибудь подальше, пусть даже отдельно от тела.

— Ближе... Присядь рядом... ближе надо...

В прорехе густой пелены туч, затянувших небо после заката, как по заказу показалась красноватая луна, осветив то, что язык не поворачивался назвать живым человеком.

Ноги изгибаются под неестественными углами, явно сломанные в нескольких местах; рук нет вообще — их или оторвало, или выломаны из суставов и придавлены спиной, в этом месиве такие подробности не разглядеть; через обрывки разгрузочного жилета и одежды кошмарным частоколом торчат обломки ребер; голова смята; из багровой маски, в которую превратилось лицо, на Рока таращился выдавленный из орбиты дочерна налитый кровью глаз.

Как такое может жить и тем более разговаривать?!

В кошмарном месиве раскрылась кривая щель, послышался все тот же хрипящий голос:

— Нулевка, это ты?.. Живой?.. До моста, значит, не добрался?.. А я вот отстрелялся... Кто же знал, что там волна поперет... Не было здесь элиты с такими свитами... никогда не было...

Рок понял, что это один из той парочки странных мужчин, встреченной возле недостроенной высотки, но, хоть убивайте, сказать, кто именно из них, — не мог.

Да этот огрызок мать родная сейчас не узнает.

Кивнул и мрачно выдавил из себя:

— Пока живой, иду к мосту, как кое-кто советовал. Ты уж извини, но я тебе ничего не должен, так что сваливаю. Вы сильно на шумели, на это дело кто угодно может заявиться.

— Тут элита... лежит... Серьезная элита... Только другая элита подойти сможет... мелочь лезть не станет. Не бойся... не бывает много элиты в этих краях. Парень... помоги...

Рок даже не знал, что на это сказать, случай явно не из тех, где помогают зеленка и пластырь. Но разговаривающий труп, похоже, умел соображать относительно здраво, понимал, что к чему, знал нечто неведомое, потому как добавил:

— Я минуту продержусь точно, может, две... Надо успеть. Нож возьми в разгрузке, сходи к мертвяку, достань из него... Там все твое, кроме жемчуга... жемчуг мне принеси... скорее принеси его...

Ничего не понимая, Рок покачал головой:

— Ты о чем вообще? Какой мертвяк? Что за жемчуг?

— Вот зараза... да ты же нулевка...

— Я это уже слышал.

Захрипев, умирающий выпучил единственный глаз, нездорово напрягаясь, и поспешно

затараторил почти нормальным голосом:

— А ну взял нож и бегом к элитнику. На затылке у него гриб, как на березе растет, сверху и с боков прикрыт костью, снизу остался доступ. Разрежь его до пустоты, вытащи все, что там есть. Там будет разное... поймешь. Выбери шарики, блестящие, похожи на жемчуг, круглые и теплые они, когда потрогаешь. Красивые, черные, красные и зеленые бывают... в элите ведь... Принеси... мне... В рот их положи... Только все положи, что найдешь. Остальное... Остальное — твое... забирай... по-честному давай, по-человечески... Там много разного будет... и тебе хватит, и мне. Давай же... парень... шевелись...

Напряжение, в котором он успел сказать так много, забрало остатки сил. Очевидно, эти слова крайне важны, раз именно их пришлось произносить в столь непростой ситуации.

Покосившись на изломанную грудь человека, отказывающегося смириться со смертью, Рок еле-еле покачал головой:

— Ножа нет. Здесь вообще ничего нет.

— В левом... в левом берце второй... В правом фонарик... — сказано было настолько тихо, что Рок скорее угадал слова, чем расслышал.

Оба берца уцелели, из высокого голенища одного достал короткий нож, из другого крохотный фонарик, тонкий, как карандаш, после чего поднялся и, стараясь не лязгать зубами по причине крайней степени нервного напряжения, направился к мертвому чудовищу.

Уверенности в том, что оно действительно мертво, у Рока не наблюдалось.

Тварь была огромной, что, в принципе, он знал и до этого. Вот только вблизи она казалась впятеро больше прежнего, это сильно напрягало, а Рок и без того был напряжен, как перетянутая гитарная струна за неуловимый миг до звонкого разрыва.

Угловатая башка, будто холодильник не самого маленького размера, не скажи умирающий, где искать этот проклятый гриб, пришлось бы час на это убить. Обнаружив искомое, Рок положил на асфальт ножку от табурета — единственное оружие, которое сумел нащупать в затемненной квартире, где утолил жажду.

Подсвечивая, попытался взрезать оболочку темной массы, прикрытой толстым костяным капюшоном. Ничего не получилось, она не поддавалась, лишь царапалась. Сунул фонарик в рот, пустил в дело обе руки. Очень уж неудобно располагалась эта штука, мало того что доступна лишь снизу, так еще острые роговые пики, местами торчащие из головы, сильно мешали.

По наитию ткнул в канавку, одну из многих, разделяющих «гриб» наподобие намеченных долек, по которым кто-то собирался разрезать этот «арбуз», да так и не собрался. Острие, пусть и с немалым усилием, но наконец углубилось.

Дальше дело пошло веселее, Рок вскрыл оболочку в несколько секунд, продлевая надрез все по той же канавке. Несмотря на то что ни крови, ни неприятного запаха не наблюдалось, руку в пустоту он запускал, брезгливо морщась. Нашупал там спутанную волокнистую массу, абсолютно сухую, скомкал, вытащил.

В этот миг туша мелко задрожала, из разверзнутой пасти монстра исторгся звук, похожий на зычный всхлип. Рок отскочил назад столь резво, что колено на это отреагировало крайне нехорошо, из-за чего он потерял равновесие и чувствительно приложился копчиком об асфальт.

Но даже не поморщился — здесь такие дела проворачиваются, что болезненные ощущения ушли даже не на второй план, а куда-то не ближе пятого, и очень хочется свалить

за ними следом, пока не начались настоящие неприятности.

Но тварь, чуть не перепугав Рока до разрыва сердца, на этом успокоилась. Причем он почему-то мгновенно понял — на этом все, это навсегда. И наконец-то осознал, что именно его беспокоило сильнее всего, когда занимался затылком чудовища.

Едва слышные отголоски стука могучего сердца. Еле-еле доносились, на пределе возможностей слуха, а теперь их не стало.

Умиравший, будто подгоняя, захрипел, нехорошо забулькал. Выйдя из ступора, Рок вывалил комок черной паутины прямо на асфальт и начал отодвигать в стороны высыпавшиеся из него мелкие предметы. Какие-то овальные грязно-зеленые шпуквины, похожие на мелкие виноградины, их было больше всего, на глаз — сотня или две, на жемчуг они не походили совершенно, да и невозможно представить, как их высыпать в рот полутрупы, туда ведь столько не поместится; десятки шариков размером с горошину совпадали с искомым формой, вот только слишком уж невзрачные, будто желтоватый спрессованный сахар; какие-то увесистые зернышки и орешки, шершавые звездочки, похожие на крохотное фигурное печенье и...

И еще кое-что. Шарик черный, блестящий, и правда теплый на ощупь, а вот похожий на него, но только красный, а следом из черного клубка выкатился зеленый. Разве бывают жемчужины таких цветов? Без понятия, Рок в этом вообще не разбирается, но очень похоже именно на них, в отличие от всего остального.

Поиск непонятно чего, скрывавшегося в выросшем на затылке монстра грибе, навел его на нехорошие подозрения о личных умственных способностях. Говоря проще — Рок заподозрил у себя наличие тяжелой стадии кретинизма.

Черт знает чем занимается, вместо того чтобы поискать нормальное оружие, наверняка ведь где-то здесь валяется хотя бы пистолет, сорванный с разгрузки изломанного человека. Так и придется бегать по городу с ножкой от табуретки, но зато при каких-то недозрелых виноградинах и желтых шариках.

Великое богатство.

Нет, без шуток, Рок догадывается, что все это или почти все — некие ценности сумасшедшего в своей жестокости мира, вероятно, весьма дорогие шпуквины, раз даже умирающий думает только о них. Но как-то это несвоевременно.

Урчание, раздавшееся, как показалось, прямо над головой, заставило позабыть обо всем, кроме осознания бренности бытия. Даже не стал поднимать взгляд, и без того понятно, что к Року, всему из себя красивому, светящемуся на всю улицу, подкрался один из тех комков мрака, которые ухитрились перемещаться практически бесшумно, несмотря на всю серьезность своих габаритов.

Если умирающий прав, этот монстр — братец дохлого, все прочие опасаются приближаться даже к их смиренным тушкам.

Не раздумывая ни мгновения, Рок перекатился через спину, бросив при этом фонарик в направлении новой напасти, после чего нырнул под стоявший возле магазина грузовик. Опять копчиком задел край прицепа, злосчастным коленом приложился так, что искры из глаз, должно быть, все окрестности на миг осветили, но задуманное получилось — он оказался под днищем тяжелой машины.

Пускай не спасен, но хотя бы выгадал время.

Жесточайший удар едва не заставил грузовик улететь в дальние дали, что подсказало Року очевидную мысль — выгадал он всего ничего. Если у неведомой твари не хватит сил

перевернуть машину, она ее запросто разберет, разорвет в клочья, ей это все равно что в зубах поковыряться, извлекая застрявшие куски мяса.

Человеческого, между прочим, мяса.

И что же теперь делать?! Вот что?! Выскочить из-под прикрытия днища? Это означает — сдаться без боя. Но как воевать, если в одной руке у тебя всего лишь короткий нож, а в другой...

В другой три шарика — зажал их рефлекторно: черный, красный и зеленый. С одной стороны, эти штуковины походили на оружие меньше всего на свете, с другой — искалеченный до невозможности, каким-то чудом удерживающийся на краю небытия, кое-что знающий человек настойчиво попросил Рока забрать себе все что угодно, но принести ему эти штуковины и вложить в разодранный рот.

Похоже на пусть и мизерный, пусть откровенно ненормальный, но все же шанс. Этот мир — полностью сумасшедшее творение невменяемо-жесточкого психопата, так почему бы здесь не царить совсем уж невероятным законам.

Если это и правда игра (в чем Рок очень сильно сомневается), то он не удивится, когда поблескивающий шарик излечит все травмы и болезни, наделит неуязвимостью на какое-то время или даже перенесет в безопасное место. Не зря ведь он скрывался на голове столь опасной твари, это явно ценный приз.

Грузовик содрогнулся от нового удара и начал крениться — урчащий монстр, поднатужившись, его переворачивал.

Да твою же мать, что теперь делать?! Какой из этих чертовых шариков глотать?!

Пожалуй — сразу все. Возможно, это чрезмерно, зато подействует наверняка.

Если вообще должно подействовать, вдруг умирающий бредил, а его единственный слушатель, как и полагается недоумку, наивно повелся.

Грузовик начал заваливаться набок, а Рок, решительно закинув все три шарика в рот, зажмурился, и в голове его почему-то забила лишь одна глупейшая мысль: «Ну дела, они ведь грязные, тошно подумать, откуда их пришлось доставать».

Ничего не происходило, вообще ничего, он уже сжался, готовясь к тому, что его сейчас начнут рвать, кромсать, давить, тонким слоем размазывать по асфальту.

Но вместо этого тело свела непереносимо жестокая судорога, и последнее, что Рок услышал, перед тем как провалиться в привычно кромешный мрак, — треск костей, ломаемых своими же, сведенными в жесточайших судорогах мышцами.

Внимание, вы погибли. Потеряно одно очко прогресса физической силы. Внимание, при гибели вы теряете очки прогресса основных и дополнительных характеристик в количестве от 5 до 50 % от текущего требуемого значения, и эта цифра не может быть меньше 1. Теряя уровни характеристик, вы рискуете потерять прогресс основного уровня и лишиться связанных с ним достижений. До возрождения осталось 102 секунды.

Что это было?..

Глава 8

Жизнь четвертая. Чудо-мост

Новичок, вы вот-вот станете частью Континента. Вы возрождены на кластере 197-33-91. Регион — Западное Побережье. Текущее количество возрождений — 96 жизней (минус 3 от стартового). Текущие задания: выжить, искать, узнать тайное, помочь, задать правильный вопрос. Текущий статус — старт игры. До перезагрузки кластера осталось 97 секунд. Подсказка — трофеи бывают разные, в том числе и не всегда полезные, их необходимо принимать с предосторожностями, выдерживая определенные временные промежутки. Никогда не пытайтесь употребить сразу несколько сильнодействующих трофеев, это с высокой степенью вероятности приведет к негативным последствиям. Внимание! Вы... вы потеряли... потеря... поте... пот... по...

На этот раз что-то новое, надпись будто «заело», затем окончание разорвало на куски, пошли какие-то сбои с мерцанием строк, а затем прокрутка вообще остановилась. Раньше текст четко и быстро вырисовывался до самого низа, ничего подобного ни разу не наблюдалось.

Бракованная игрушка, если, конечно, этот беспредел можно назвать таким безобидным словом. Мало того что здесь убивают и люди и монстры, так еще и сам себя запросто отправишь на тот свет, причем с самыми благими намерениями.

Никому доверять нельзя. Вообще никому. Даже умирающие с их последними просьбами пусть идут лесом.

Да что там умирающие — тут, оказывается, и себе доверять нельзя.

Хотя при чем здесь умирающий? Он ведь не уговаривал Рока давиться этими шариками, он для себя их выпрашивал, остальное — глупая личная инициатива.

Зачем опытному мужику понадобилось себя травить? Хотел легко и быстро уйти на новое возрождение? Непохоже...

Надпись тем временем «ожил» и бодро, строка за строкой, в прежнем темпе пошла расползаться вниз.

Внимание! Вы потеряли третью жизнь, не достигнув самостоятельного прогресса ни в одной из характеристик. Постарайтесь, чтобы подобное не повторилось, не допускайте обнуления количества возрождений. В качестве компенсации и помощи ваша удача получает 30 очков прогресса и становится равной 3. С вашим затянувшимся невезением удача не будет лишней. Также надо отметить, что вы оказались в уникальной ситуации, она требует нестандартного разрешения, разработка которого только что стартовала. Особые достижения заслуживают особых наград и поощрения в удачливости, поэтому ваша удача получает 4000 очков прогресса и становится равной 28. Поздравляем! Сумма ваших дополнительных характеристик достигла тридцати, ваша опытность поднялась до отметки 3, теперь вам доступны новые опции. Принятые вами жемчужины повышают Грани Таланта на 288 очков прогресса, дополнительная характеристика Грани Таланта становится равной 7. Подсказка — учтите, что вы до сих пор не

подняли свой уровень, ваши основные характеристики не прогрессируют, без этого вы не сможете использовать преимущества повышения Граней Таланта. Помните, повышение уровня — крайне важная задача. Не пренебрегайте ею, иначе будете крайне разочарованы.

Удачной игры.

Ух ты, сразу две подсказки, из которых одна, по сути, лишняя, потому как Рок и сам догадывался, по какой причине улетел навстречу четвертой жизни, а вторая непонятная и к тому же для него бесполезная.

Что такое Грани Таланта, с чем их едят и съедобны ли они вообще — великая загадка, и вряд ли он сумеет ее разгадать, вытаращившись в облупившийся потолок комнаты очередного общежития.

И да, помимо подсказок ему, похоже, угрожали чем-то непонятным. Никак иначе окончание сообщения назвать нельзя.

Наехали за то, что он бездарнодохнет раз за разом, не повышая уровень.

Знать бы еще, что это такое и как его повышать...

И почему Рок, лишенный памяти о прошлом, твердо уверен в том, что у него хватало друзей-игроманов, но сам при этом в вопросе совершенно не ориентируется?

Сплошные непонятности.

Да и что это за игра, где так жестоко обращаются с потребителями? С таким отношением к клиентам владелец проекта обязан разориться в считанные дни, если не часы. Засудят так, что потомки будут десять тысяч лет расплачиваться.

Несмотря на надпись, выдаваемую при каждом воскрешении, в то, что это действительно игра, не верится совершенно.

И удачей здесь тоже не пахнет.

Вскочив, одним глазом засек мерцание зеленых светодиодов роутера, другим — свечение монитора на ближайшем столе. Включенный и к тому же не спящий компьютер — именно то, что Року сейчас нужно. Он по опыту знал, что пытаться расшевелить соседа на предмет выхода в сеть — бесполезно. Пока тот въедет в тему, пока начнет совершать хоть какие-то телодвижения, электричество исчезнет, как и связь.

И больше вроде как не появится.

Таковы правила игры, играть в которую совершенно не хочется, но выбора у Рока пока что нет.

Он не помнил, доводилось ли ему когда-нибудь иметь дело с компьютерами, но, похоже, еще как доводилось — с легкостью разобрался.

Да там и разбираться-то не с чем — все элементарно.

Успел ввести в поисковике два запроса, жадным взглядом выхватывая заголовки результатов поиска.

И не заметил ровным счетом ничего полезного.

Третий запрос повис, высветилось предупреждение об отсутствии сети и переключении на аварийный источник питания, заряда которого хватит очень ненадолго, и поэтому компьютер рекомендуется немедленно выключить, иначе потеряются результаты работы.

Еще разок пробежав взглядом по заголовкам открытых страниц, Рок понял, что терять там нечего — откровенно бесполезный хлам.

На будущее надо бы продумать запросы почетче, может, в этом все дело. Вот так,

спонтанно, с бухты-барахты, при остром дефиците времени рассчитывать на удачу неразумно.

Ну да ничего, у Рока еще куча жизней осталась, отработает процесс.

Кстати, а что будет, когда они израсходуются? Вдруг это и есть выход? Может, ему не стоит вообще трепыхаться? Допустим, прыгать вниз головой в окно сразу после очередного воскрешения — много времени это не займет, за несколько часов спокойно управится.

Пожалуй, экспериментировать не станет. Не верится, что из настолько хитроумной западни получится выбраться столь простым способом.

Да и страшновато, ведь запросто можно свихнуться: убивать себя снова и снова чуть ли не сотню раз — это нешуточное испытание для самой железной психики.

Телодвижения Рока не остались незамеченными для соседа по комнате. Куча одеял традиционно зашевелилась, оттуда высунулась черноволосая голова, уставилась сонными глазами, задумчиво произнесла:

— Что-то не помню, я сдал или нет?

Рок даже слегка растерялся — вопрос неожиданный, не вписывается в прежние сценарии. Но размышлять над этим не хотелось, какое ему дело до какого-то искусственного типчика. Как он уже понял, это не люди, это их правдоподобные имитации, что-то вроде запрограммированных биороботов, причем программы у всех однотипно несложные.

Поэтому, проигнорировав вопрос, задал свой:

— Деньги есть?

[Купить полную версию книги](#)